

Алекс Хилл

18+

КАКОВА ЦЕНА
МИЛОСТИ
КОРОЛЯ?

ПОСЛЕ ТЕБЯ ТОЛЬКО ПЕПЕЛ

Young Adult. Инстахит. Романтика

Алекс Хилл

После тебя только пепел

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хилл А.

После тебя только пепел / А. Хилл — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Инстахит. Романтика)

ISBN 978-5-04-169377-0

Алена Миланович привыкла подчиняться чужой воле и терпеть издевательства. Вся ее жизнь – сплошные страдания. На этот раз ее наказанием стал Волковский колледж – пристанище для беспризорников и малолетних преступников. Сможет ли она ужиться на новом месте? Помощь приходит неожиданно от того, кого боготворят студенты и кем восхищаются даже самые строгие преподаватели. Но помощь ли это? Наставник суров, опасен, очарователен и непредсказуем. Его методы жестоки, маски разнообразны, игры безумны, а мотивы скрыты под мраком тайны. Он – пожар в ее жизни. А после пожара... остается только пепел. Новинка от автора бестселлеров «Передружба. Недоотношения» и «Поймать свободу» Алекс Хилл. «После тебя только пепел» – остросоциальный роман о поиске себя, преодолении страхов и ежедневном выборе, который определяет нашу жизнь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169377-0

© Хилл А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	41
Глава 6	52
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алекс Хилл

После тебя только пепел

© Хилл А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Плейлист

NF – Paralyzed

Kaleo – Save Yourself

NF – Remember This

НЮ – Мало

Kaleo – Way Down We Go

Freya Ridings – Elephant

Noah Cyrus feat. Gallant – Mad at You

Ramil’ – Сияй

Raining Jane – Love Is a Battlefield

НЮ – Белые ночи

Глава 1

POV: Алена

– Нет, я не могу, – отвечаю шепотом, крепко сжимая телефон и прикрывая ладонью рот в страхе, что взрослые могут услышать.

– Алена, ты – моя последняя надежда. Обещаю, ничего плохого не случится, – из динамика доносится капризный голос брата. – Просто принеси деньги, а отцу я сам все объясню. Если придется.

– Леша... – Мне не хватает цензурных слов, чтобы выразить все, что я о нем думаю. – Приезжай домой и бери все, что хочешь.

– Не вариант, меня крепко взяли за яйца. Алена, если не поможешь, то с завтрашнего дня меня начнут присылать домой по частям. Ты этого хочешь?

Нет. Конечно, нет. Я не желаю брату зла. Пусть близкими родственниками нас можно назвать с большой натяжкой, так было не всегда. Черт! То, что он мне предлагает сделать – почти самоубийство. Если дядя Слава или тетя Рита меня поймут... даже думать боюсь о том, что может произойти. Лето на исходе, осталось всего две недели до возвращения в колледж. Неужели Лешка не мог провести эти дни спокойно?

– Алена! – требовательно зовет брат. – Деньги лежат в гостинной за стеклянной вазой. Это отцовская заначка на приبلуды для рыбалки, и он еще не скоро решит ее проверить. Тихонько возьми деньги и привези мне на заброшку, а через пару дней я все туда верну.

Смотрю в темноту комнаты, не решаясь согласиться. Почему я? Почему всегда я?!

– Слушай... – интонация брата меняется в один миг, ледяные мурашки пронзают кожу, – я ведь по-хорошему прошу, а могу и по-плохому.

Может. Не сомневаюсь. В этом доме все всё могут, но только не я.

– Хорошо, – произношу сквозь колючий ком, застрявший в горле.

– Супер! – радостно вскрикивает Леша. – И поторопись, а то... ну, мало ли.

Мое безмолвное смирение завершает разговор. Даю себе минуту, чтобы выдохнуть и собраться с силами, и поднимаюсь на ноги. Быстро собираю длинные волосы в хвост, натягиваю черную толстовку и прячу голову под капюшоном. Заброшка не самое приятное место в нашем городе. В основном там тусят ребята из «Волков», а с ними лучше не связываться. Волковский колледж – местная социальная помойка, где учатся сироты и дети, от которых отказались родители, а еще «золотые детки», отправленные на перевоспитание. Одним словом, сборище бывших, будущих и настоящих преступников, на которых по какой-то причине не удалось завести уголовные дела и упрятать за решетку.

Встряхиваю головой, проясняя мысли. Сколько раз меня пугали, что переведут к «Волкам», – не счесть, а теперь я должна сама подставиться под удар, только потому что у братца напрочь отшибло мозги с этими дурацкими играми.

«Спасибо, Леша»...

Спускаюсь по лестнице, по памяти выбирая «тихие» ступеньки. Дядя не любит, если в доме шумно после десяти вечера. Он вообще много чего не любит, и я занимаю в этом списке почетное первое место. Свет уличного фонаря пробивается сквозь тонкую вуаль декоративных штор – вижу цель. На средней полке шкафа стоит хрустальная ваза, а за ней темный конверт. Хранить заначку в таком месте – не лучшая идея, а мой дядя не настолько глуп. Вероятнее всего, это очередная издевательская проверка, и я бы сама никогда не взяла оттуда деньги, хоть не стану врать, желание было. Трудно назвать это место домом, а людей, что здесь живут, –

семьей. Я мечтаю избавиться от них, но боюсь, что, если попытаюсь, все может стать еще хуже. Сердце замирает, когда рука медленно поднимается вверх, касаюсь кончиками пальцев плотного картона...

– Кто там? Леша, это ты? – звучит приглушенный голос тети Риты.

Я готова раствориться, упасть на пол и умереть прямо сейчас. Слух улавливает тихие шаги по деревянному полу второго этажа, и кровь холодеет от ужаса.

– Это я, – отвечаю, не двигаясь с места. – Спустилась попить воды.

Шаги прекращаются, но я все еще не могу вздохнуть.

– А что, в ванной наверху отключили воду? – недовольно бросает тетя.

– Не хотела там шуметь.

– Но ты и здесь умудрилась.

– Простите.

– Пей и возвращайся в комнату, – приказывает она, и через пару мгновений дверь в ее спальню мягко закрывается.

Резко втягиваю носом воздух, наполняя легкие. Чуть не попала! Решаю больше не затягивать с делом и быстро вынимаю деньги из конверта. Прячу ровную стопку купюр в карман спортивных штанов, возвращаю конверт на место и на носочках крадусь к входной двери.

«Леша, Леша... И за что ты меня так ненавидишь?»

Ночной город очарователен в своем темном умиротворении, но чем ближе я к заброшке, тем меньше спокойствия остается в душе. Таксист косится на меня через зеркало заднего вида, презрительно цокая языком, а я старательно прячу лицо под капюшоном, глядя в окно. Мимо проносятся старые здания заброшенного промышленного комплекса: металлические склады, ангары и хозяйственные постройки из полуразвалившегося кирпича. Стены разрисованы граффити, кричащие надписи гласят, что их создатели плевать хотели на систему и правила. Ну еще бы...

Машина останавливается у ржавых сетчатых ворот. Освещения нет, вокруг непроглядная тьма, но даже через закрытые окна и двери автомобиля слышен гудящий шум музыки и развязные крики молодежи, говорящие о том, что это место отнюдь не пусто. Набираю номер Леша и прижимаю телефон к уху. Водитель нетерпеливо стучит пальцами по рулю, ведь в заказе указаны две точки, то есть поездка туда и обратно.

– Привезла? – отвечает на звонок брат.

– Да. Жду у ворот.

– В смысле? Заходи. Я под навесом с левой стороны.

– Я не собираюсь заходить. Забери деньги, и я поеду домой.

– Алена, блин, не беси меня! Сказал – зайди!

Его слова, точно удар ремнем по спине, обжигают и заставляют вспомнить, кто я такая.

– Давай быстрее! – рявкает Леша и кладет трубку.

– Можете подождать пять минут, пожалуйста? – обращаюсь я к водителю.

– Нет, – грубо отвечает мужчина.

– Я оплачу время ожидания.

– Все равно нет! Хочешь, чтобы твои дружки мне машину разбили? Знаю я ваших «Волков». Давай половину оплаты и вылезай.

И как после такого можно верить в удачу? Она ни разу не улыбалась мне за последние восемнадцать лет, а я даже не знаю, где так сильно успела облажаться, чтобы заслужить подобное. Может быть, в прошлой жизни?

Медленно ступаю по примятой траве, пытаюсь разглядеть дорогу. За спиной раздается рев мотора, звучащий для меня как хлопок крышки гроба. Мне не приходилось бывать здесь

раньше, но об этом месте гуляет множество историй, ни одна из которых не закончилась хорошо. Замечаю слева тусклое свечение переносных ламп и на его фоне три темные фигуры. Улавливаю знакомые дерзкие нотки, принадлежащие голосу брата, и сворачиваю с тропинки, сжимая руки в кулаки, спрятанные в карманах толстовки.

– Ну наконец-то! – кричит Леша, шагая навстречу. – Ты на пешкарусе добиралась, что ли?

Брат подступает ближе, а вместе с ним и запах крепкого алкоголя, который с такой силой бьет в нос, что с трудом удастся устоять на ногах. Непослушными пальцами достаю деньги и протягиваю Леше. Тени пляшут на его круглом лице, превращая довольную улыбку в злобещий оскал.

– Спасибо, сестренка. Выручила, – говорит он, бегло пересчитывая купюры.

Молча киваю и уже собираюсь уйти, но Леша ловит меня в полуобороте и обнимает за плечи, стискивая до боли кожу:

– Эй! Куда это ты собралась?

– Мне нельзя здесь находиться, – тихо отвечаю я, понимая, что его дружки внимательно нас слушают.

– Если со мной, то можно. Я ведь должен вывести сестренку в общество, а то сидишь дома, как затворница. Давай я тебя с пацанами познакомлю!

Пытаюсь аккуратно вывернуться из его объятий, но брат только усиливает хватку.

– Не надо... – прошу я.

– Хочешь обидеть моих друзей? – злобно говорит Леша, наклоняясь к моему уху.

– Нет.

– Вот и договорились.

Следующие несколько минут провожу в компании едкого сигаретного дыма, неприлично громкого смеха и оценивающих мутных взглядов Лешиних друзей, от глупых шуток которых меня уже начинает натурально мутить. На вид им, как и Леше, лет девятнадцать, но вот по манере общения будто четырнадцать. Грубые словечки, рассказы о сомнительных достижениях, наплевательское отношение к моральным устоям.

– Сестренка у тебя ничего, Лех, только невеселая какая-то. Может, ей нужно выпить, чтобы расслабилась?

Парень, представленный мне как Бур, делает затяжной глоток из банки и протягивает ее мне, вытирая рот тыльной стороной ладони.

– Тебе повезло, Аленка, я не жадный, – говорит он, опуская взгляд на уровень моей груди.

– Нет. Спасибо, – отвечаю я, чувствуя, как дрожат онемевшие губы.

– Чего-чего? – переспрашивает Бур, поморщившись.

С вежливостью и приличиями эти парни точно не знакомы. Лучшая защита, в моем случае, – не привлекать лишнего внимания и делать, что говорят, пока не представится возможности сбежать. Беру в руки холодную жестянку и говорю немного громче:

– Спасибо. То, что нужно.

– Вот это я понимаю, – радостно произносит Леша, хлопая меня по спине. – Отрывайся, Ален. Разрешаю.

Выдавливаю слабую улыбку и делаю крошечный глоток кислого напитка, пересиливая желание тут же его выплюнуть и броситься на поиски зубной пасты. Возвращаю банку Буру под одобрительным взглядом Леша и тихо спрашиваю, пользуясь минутой его хорошего настроения:

– Я думала, тебе срочно нужно вернуть долг.

– Есть идея получше, – ухмыляется Леша, игриво дернув широкими светлыми бровями. – Не знал, что у бати припрятана такая хорошая сумма. Я смогу отыграть, мы даже в плюсе останемся. Тебе перепадет, если будешь хорошо себя вести.

До этого момента мне казалось, что хуже быть не может, но, похоже, ад только начинается. Неподалеку звучит залиvistый женский хохот, и я машинально опускаю голову, чтобы остаться незамеченной. Леша и его друзья вмиг замолкают, напряжение сгущает прохладный ночной воздух, и перед моими глазами на темной примятой траве появляются женские белые кроссовки и три пары мужских.

– Гони бабки, малой, – произносит грубый голос, но по насмешливым искоркам в интонации можно догадаться, что парень больше забавляется, чем пытается напугать.

– Я хочу отыгаться, – смело заявляет Леша.

Прибывшая компания взрывается смехом, они явно не воспринимают брата всерьез. *Боже, прошу, пусть Леша просто отдаст деньги, и мы уйдем. Пожалуйста! Если меня хоть кто-нибудь слышит там, наверху!*

– Мнац, я серьезно. Дай мне шанс, – настаивает Леша.

– Серьезно? – переспрашивает парень, названный Мнацем.

– Да. Сыграем еще один раз.

– Серьезность и ты – две несовместимые вещи, малой. Я что-то не понял, чего ты такой дерзкий стал?

Грудную клетку сдавливает животный страх. Смотрю в землю и чувствую, как чей-то прямой взгляд прожигает мне череп. Только не это, не надо. Меня здесь нет. Меня нет!

– А-а-а... – иронично тянет Мнац. – Ты привел группу поддержки? Перед девчонкой хочешь выпендриться? Тогда ты выбрал неудачного соперника.

– Я хочу сыграть еще раз! Сразу ва-банк! – распаляясь, рычит Леша.

– Не интересно. Я сегодня не настроен на игры, малой... хотя...

Сердце замирает, а интуиция машет красным флагом. Делаю крошечный шаг назад, прикидывая варианты для побега.

– Выкладывай условия, Мнац. Я согласен на все!

– Знаешь, что я не люблю больше всего? Дешевых понтов, малой, – стреляет высокомерием Мнац. – Но раз ты так просишь, то преподам тебе еще один урок. Фарт – штука непредсказуемая. Мы уже убедились, кто из нас любимчик удачи, но если ты хочешь отыгаться, то пусть соревнуются наши девчонки. Это будет честно.

Делаю еще один шаг, отступая, но Леша хватается за руку.

– Идет! – выплевывает он, до хруста сжимая мои пальцы.

– Леша, – в панике шепчу я. – Нет, я не буду. Я...

– Заткнись! – перебивает он, поворачиваясь ко мне, и продолжает на порядок тише: – Ты сделаешь все, что я скажу, иначе отец сегодня же узнает, кто взял деньги из его заначки. Угадай, кому он поверит? Родному сыну или подкидышу, от которого одни проблемы?

На его лице маска из отвращения и безумного азарта, большие светло-карие глаза, так похожие на дядины, не оставляют и шанса на сопротивление.

– Что-то не так? – саркастично интересуется Мнац.

– Все в порядке. Мы играем, – твердо заявляет Леша и утягивает меня за собой к двухэтажному зданию, в нижнем ряду окон которого виднеются тусклые проблески света.

Проходим через железную дверь в просторный зал, деревянные половицы, устеленные пыльными коврами, трещат под ногами. В помещении пахнет сыростью и сигаретным дымом, звучат десятки веселых голосов и музыкальные биты.

– Короче, слушай, я объясню правила. Ничего сложного... – говорит мне Леша, но я с трудом могу его расслышать из-за стука сердца, грохочущего в ушах.

– Не старайся, малой, покер – не женская игра. Зачем мучить девчонок? Я же не садист, – говорит Мнац, проходя мимо.

Леша ведет меня через кучки ребят и подталкивает к круглому столу, поверхность которого обтянута зеленой тканью. С опаской поднимаю голову: высокий темноволосый парень в

темно-синем спортивном костюме галантно отодвигает стул для своей подруги. Его губы растянуты в легкой улыбке, движения спокойные и уверенные, словно он здесь хозяин, а остальные лишь заглянули в гости на часок. Получаю тычок в плечо от брата и занимаю место напротив русоволосой симпатичной девушки, изящно сложившей кисти рук поверх игрального стола. Мнац недовольно хмурит густые брови и смотрит на Лешу:

– Что-то ты не слишком ласков со своей подружкой.

– Это моя сестра, – с колючим пренебрежением отвечает Леша.

– Не имеет значения, – холодно отсекает Мнац.

Он ненадолго ловит мой взгляд и медленно наклоняется к своей подруге, чтобы нежно поцеловать ее в щеку. Проводит ладонью по плечу, цепляет пальцами подбородок и оставляет поцелуй на ее пухлых губах. Девушка зачарованно всматривается в его лицо, еще немного, и кажется, она замурчит. Пospешно опускаю голову, смутившись, и впиваюсь пальцами в дрожащие колени. Что я вообще здесь делаю?

– Если не в покер, то во что они будут играть? Не в дурака же, – натужно смеется Леша, плохо скрывая нервное напряжение.

– В двадцать одно, просто и понятно. Сестренка, ты правила знаешь? – небрежно обращается ко мне Мнац.

Качаю головой, мечтая, чтобы толстовка превратилась как минимум в скафандр. Не могу сказать, что ощущаю открытую угрозу от этого парня, но в нем есть что-то такое... от чего хочется бежать и не оглядываться.

– Не страшно, я объясню, – нарочито ласково говорит он. – Все карты в колоде имеют определенный номинал, каждая из вас получит по две карты в первой раздаче. Леша, найди таблицу в Гугле и положи на стол, – командует Мнац и снова возвращается к разъяснению правил, не сводя с меня глаз. – Ваша задача собрать двадцать одно или максимально близкое к нему количество очков. Если больше, это мгновенный проигрыш. Можно просить дополнительные карты до тех пор, пока не превысите лимит или сами не захотите остановиться. Когда оба игрока заканчивают сбор карт, они вскрываются, и определяется победитель. Ничего сложного, верно?

Мнац дружелюбно улыбается, и я едва заметно киваю, ощутив сковывающий спазм в мышцах шеи. Леша кладет передо мной телефон, и я внимательно смотрю на таблицу. Валет – два очка, дама – три, король – четыре, туз – одиннадцать, остальные столько же, сколько и написано на самой карте. Вроде бы и правда несложно, при других обстоятельствах это могло быть даже весело, но давящие взгляды окружающих и гневное дыхание брата у виска не дают забыть, где я и с кем.

– Готовы? – с дразнящим азартом спрашивает Мнац, массируя шею своей девушки, будто собирается выпустить ее на ринг.

Она льнет к его груди и закидывает руку назад, проводя длинными острыми ногтями по торсу:

– Всегда готова. Ты же знаешь.

– Мешай карты, малой, а то еще скажешь, что я их подтасовал, – бросает Мнац, увлекаясь любовной игрой.

Верно, для них это всего лишь игра. Заброшка, партия, все вокруг! Они веселятся, только вот меня никто не спросил, хочу ли я в этом участвовать. Нужно было забить на все и остаться дома. Леша ударяет рукой о спинку моего стула, и я вздрагиваю, вжимая голову в плечи.

– Только попробуй проиграть, – рычит он мне в ухо.

Получаю первые две карты: четверка бубен и пятерка червей. Негусто. Итого – девять очков. Поднимаю голову, девушка передо мной довольно улыбается, опуская свою пару на стол рубашкой вверх, и смотрит мне в глаза, ударяя мощной волной уверенности.

– Еще, – тихо произношу я.

Леша снимает верхнюю карту с колоды и двигает ее по столу, удерживая указательным пальцем. Осторожно поднимаю ее, и... Туз пик! Сердце крутит тройное сальто, и я плотно смыкаю губы. Двадцать очков! Не может быть! Неужели мне сегодня повезет впервые в жизни? Это будет лучший подарок от судьбы, большего ничего и не надо. Мы с Лешей сможем спокойно вернуться домой, а потом я лягу спать и забуду об этом вечере. И никогда... никогда больше не приду сюда, даже под страхом смерти!

– Пас, – мелодично произносит подруга Мнаца.

– Пас, – приглушенно повторяю я и замираю в ожидании триумфа.

– А мне нравится ваша игра, – смеется Мнац, не убирая рук с плеч моей соперницы. – Вскрывайтесь, девчонки!

В затылок нервно дышит Леша, переворачивая карты и опускаю их на середину стола.

– Двадцать очков! Это круто! Очень! – Голос Мнаца не выдает ни разочарования, ни злости, и это вводит в замешательство.

Возможно, долг для него не имеет такого уж большого значения. Значит, все закончилось? С облегчением выдыхаю, Леша ободряюще сжимает мое плечо.

– Круто, но не так, как золотое очко, – довольно произносит соперница и накрывает три моих карты двумя красными тузами.

Жар ударяет по лицу, а после сменяется болезненным холодом. Пальцы брата вонзаются в кожу, и я с трудом сдерживаю писк. Неужели я... проиграла? Девушка поднимается со стула и тут же запрыгивает на руки к Мнацу, обхватив ногами его бедра. Победительница получает серию страстных и откровенных поцелуев, а я еще одну жесткую встряску от брата.

– Давай еще раз! – вопит Лешка. – Еще раз!

Мнац опускает свою девушку на пол и выходит вперед, угрожающе глядя на Лешу:

– Так, малой... Ты решил меня выбесить сегодня? Игра была ва-банк, все честно. Гони бабки и проваливай.

– Но это ведь она проиграла! Требуй с нее! А хочешь, ее и забирай!

Уменьшаюсь до размера пылинки, ощущая, как свет удачи гаснет для меня навсегда.

– Что ты несешь? – ядовито спрашивает Мнац.

– Ну а что? Я ведь тебя знаю, есть одна девчонка, а станет две. Она сделает все, что скажешь. Правда ведь? – Леша сжимает мою шею, силой заставляя кивнуть. – Ну как? Договорились?

Мнац наклоняется к лицу брата и высекает сквозь сжатые зубы:

– Ты че думаешь, мне тут девок не хватает?

– А теперь на одну больше, разве плохой исход?

В носу щиплет от слез, страх, точно злокачественная опухоль, поражает каждую клетку организма, лишая возможности пошевелить даже пальцем. Мнац переводит взгляд на меня, и его лицо приобретает холодную бледность. Голубые пронзительные глаза леденеют, темные густые волосы, кажется, покрываются тусклым налетом изморози. Такие парни по определению должны быть мерзавцами, природа создает их, чтобы разбивать сердца и творить страшные вещи. Если он сейчас согласится, то я могу попрощаться с последней надеждой на светлое будущее.

Первая слеза срывается с моих ресниц, взлетает кулак. Все происходит так стремительно, что я не сразу могу сориентироваться. Леша падает на пол, а Мнац набрасывается на него со звериной яростью, принимаясь наносить удар за ударом. Люди в помещении замолкают, беспомощно оглядываясь по сторонам, но никто не собирается вмешиваться. Друзья Лешки стоят у противоположной стены с банками в руках, на их лицах презрительные ухмылки. Хрипы и звуки борьбы гремят в ушах, и я вскакиваю со стула, инстинктивно бросаясь в потасовку:

– Нет! Пожалуйста, не надо! Остановись!

Падаю на колени рядом с братом, пытаюсь поймать смертоносные руки Мнаца, которые работают точно молоты. Капюшон слетает с головы, получаю пару касательных ударов по плечу, но продолжаю умолять:

– Прошу тебя! Не надо!

Мне удастся обхватить правую руку слетевшего с катушек парня и крепко прижать ее к себе. С ужасом гляжу на Лешу: из его носа течет кровь, шея расслаблена, голова обессилено склонена вбок.

– Он дышит? – хрипло спрашиваю я.

– Твое счастье, если нет, – отрезает Мнац, вырывая руку.

В его словах столько яда, что я чувствую горечь во рту. Взгляд острый, каждая мышца на лице напряжена и искажена ненавистью.

– Он мой брат.

– Брат? – с отвращением хмыкает Мнац. – Он тебя чуть не продал только что, а ты бросилась его защищать?!

– Не имеет значения. – В моем голосе неожиданно рождается твердость, как яркая вспышка, которая мгновенно исчезает без следа.

Подбородок дрожит, зубы стучат. Мнац поворачивается и несколько секунд смотрит мне в глаза, словно размышляет о чем-то важном, а после, наконец, спрашивает:

– В больницу или домой?

– Что? – Я удивленно хлопаю мокрыми ресницами.

– Куда его везти? Лучше в больницу, кажется, я сломал ему нос.

Эта ночь наверняка станет самой страшной в моей жизни, потому что я прошла лишь половину ада, вторая ждет впереди. Не важно, куда мы поедем, родители Леша все равно узнают, и я даже не представляю, что они сделают со мной после этого. Перевожу взгляд на Лешку, когда-то этот мальчик улыбался мне и таскал конфеты в комнату втайне от взрослых. Мы смеялись над его широкой щербинкой между двумя передними зубами и моей длинной шеей, сравнивали наш рост, мерялись силой бросков, кидая камни в реку. Лешка все кричал, что совсем скоро он станет высоким и сильным, но стал он только высоким. Вытираю слезы – сейчас не время. Не здесь. Не при них.

– В больницу, – отвечаю я.

Держу голову брата на коленях и молюсь, чтобы мы не причинили ему еще больше вреда, пока укладывали в машину. Мнац сидит за рулем, справа от него еще один крепкий парень, хранящий гробовое молчание. В тишине время тянется беспощадно долго, и только растущее на горизонте здание городской больницы позволит немного успокоиться. Парни доносят Лешу до крыльца приемного покоя и опускают на пыльную плитку. В растерянности развожу руками, не зная, что сказать. Поблагодарить или разругаться? Вроде бы помощь, а с другой стороны, именно из-за Мнаца мы здесь, ну и глупости Леша тоже.

– Про нас ни слова, – приказывает Мнац, брезгливо вытирая руки о спортивные штаны. – Напали хулиганы. Ты их не знаешь и не запомнила.

Киваю, словно под гипнозом. Это даже не будет ложью, передо мной правда хулиганы, и я их не знаю. Вспоминаю, с чего все началось, и сажусь на корточки, чтобы вытащить из кармана брата деньги. Поднимаюсь и протягиваю пачку уже помятых купюр Мнацу.

– Оставь. Возможно, придется приплатить врачам, – отвечает он и бросает короткий уничтожительный взгляд в сторону Леша. – Считаю, долг он вернул, а ты...

Мнац замолкает и поворачивается ко мне спиной, так и не закончив фразу. Парни уходят быстро, будто их и не было вовсе. Остаюсь одна, ночной ветер бьет растрепанными волосами по лицу, и они прилипают к мокрым от слез щекам. Делаю глубокий вдох и вхожу в здание больницы, чтобы привести помощь, прекрасно понимая, что мне уже точно никто не поможет.

– Это все ты! Ты, маленькая дрянь! – кричит дядя Слава, расхаживая передо мной в гостиной.

Его обвисшие морщинистые щеки, покрытые темной щетиной, трясутся от негодования, от топота грузных ног, кажется, дрожат даже стены. Тетя Рита обреченно вздыхает, сжимая в костлявых руках телефон в ожидании звонка от доктора. Нам не разрешили остаться в больнице. Отправили домой, заверив, что с Лешей все будет в порядке, и обещали позвонить, когда к нему можно будет приехать.

– Нужно было под замок тебя посадить! Ты как она! Точно! Одна угробила моего брата, а вторая решила угробить сына!

Никак не могу успокоиться, крупные капли стекают по подбородку и шее. Я даже не подозревала, что во мне столько воды.

– Я все объясню, – выдавливаю робко.

– Объяснишь? Что тут объяснять?! Что?! – надывается дядя, кидая в меня деньгами, которые они забрали еще в больнице. – Что ты украла деньги и хотела сбежать? Что Леша пытался остановить тебя, а твои дружки-отморозки его избили? Я не тупой, и так все знаю! Это была последняя капля, Алена... последняя...

– Нет! Все не так! – рыдаю я, подаваясь вперед, но грозный взгляд дяди заставляет замереть не месте.

– Замолчи! Никакого колледжа! Никаких карманных денег! Ты едешь к «Волкам», там тебе самое место. Может, они сделают из тебя человека, потому что я... я больше не могу это терпеть.

Чувствую, как кровь пузырится в венах, закипает и обжигает изнутри. Вскидываю на ноги, вонзая ногти в ладони:

– Нет! Мне восемнадцать! Я могу...

– Ничего ты не можешь! – перебивает дядя. – Ничего! Поняла?! Ты будешь делать то, что я скажу! Я обещал воспитать тебя и воспитаю. Думаешь, раз ты девка, то все будут ползать перед тобой на коленях? Думаешь, поманила пальцем, и весь мир у твоих ног? Сейчас я покажу тебе... Рита! Где машинка для волос?!

– Что? – В панике оглядываюсь на тетю с призрачной надеждой, что в этот раз она проявит хоть каплю сочувствия.

– В ванной, – безучастно отмахивается тетя Рита, не отрываясь от телефона.

Дядя Слава пухлыми грубыми пальцами хватается меня за руку и тащит на второй этаж. Силы для борьбы заканчиваются на середине лестницы, уступая место опустошенному смирению. Громко хлопает дверь в ванную комнату, упираюсь коленями в холодную плитку и слышу ужасный рев машинки для стрижки.

– Я тебя перевоспитаю. Перевоспитаю, – приговаривает дядя, стягивая резинку с моих волос.

Глава 2

POV: Мнац

– Так и будешь молчать? – нарушает тишину Рома.

Переключаю скорость и сворачиваю на грунтовую дорогу, что ведет к задним воротам заброшки. Из-под колес вылетают камни, машину трясет, как и меня самого от злости.

– Мнац, ты чуть не прибил пацана!

«*Лучше бы прибил*», – звучит в мыслях яростное рычание.

– Крис там вообще на измене, – не останавливается Рома. – А остальные...

– Ты так кипишуешь, словно никто из них разборок не видел, – усмехаюсь я, выжимая тормоз. – С малым все будет нормально, я всего лишь сломал ему нос, а не шею. Если он не научится вести себя, как здоровый пацан, то его научит жизнь, и в больничку уже никто не отвезет.

– Мнац, я тебя столько лет знаю, и до сих пор не перестаю удивляться, какой же ты все-таки...

Поворачиваюсь к лучшему другу и с безумством распахиваю глаза шире. Он смеется, качая головой, и открывает дверь, так и не договорив.

Мы с Ромой ходили в один детский сад, делили игрушки и бросали друг в друга песком. Позже стали одноклассниками, впервые попробовали алкоголь в старом дедушкином гараже, смотрели фильмы про Бэтмена и тащились от Джокера. Мы выросли вместе, но это не значит, что он по-настоящему меня знает.

– Давай нажремся, что ли? – предлагаю я, ощутив острую потребность переключиться.

Рома пихает меня в плечо и выпрыгивает из машины:

– Идем, психованный.

Выбираюсь следом, захлопываю дверь и прячу связку ключей в карман. Содранные воспаленные костяшки на кулаках горят и пульсируют, ярость кипящей волной поднимается из груди к горлу.

– Ты кого психом назвал, а?! – с шуточным вызовом кричу я, оборачиваясь к другу. – Бессмертный?!

– Тебя! Кого же еще?! – смеется Рома, поднимая кулаки к лицу, и покачивается из стороны в сторону, копируя своего любимого Флойда Мейвезера ¹.

Склоняю голову, прищуриваясь, и шагаю вперед:

– Зря мы от больницы так далеко отъехали.

Цепляемся с Ромой в дружеской схватке, пытаюсь повалить друг друга на землю. Больше смеемся, чем боремся, силы почти равны, но в какой-то момент Рома вдруг становится жутко серьезным.

– Что на тебя нашло, Мнац? Может быть, я чего-то не понимаю, но... повода ведь не было. Послал бы его, и все. Зачем морду бить-то из-за какой-то незнакомой цыпы?

Отвожу взгляд, тяжело дыша. Меня не часто замечали в драках, я прекрасно умею решать вопросы и без кулаков, но иногда слов недостаточно. Только один человек видел меня в подобном состоянии, и он уже точно не сможет никому об этом рассказать. Малому еще повезло, что сестрица вступилась, вряд ли бы я остановился. Вспоминаю перепуганные глаза девчонки, эту уродскую смиренность и ужас на ее лице. Она ведь даже не пыталась возразить ему. И слова

---

¹ Флойд Мейвезер-младший – непобежденный американский боксер, выступавший в полусредней весовой категории (Прим. автора).

не сказала! Ее образ смешивается с другим, далеким и светлым. Желание выпить клокочет и вибрирует в венах. Нужно чем-то потушить это пламя.

– Хороший лидер иногда устраивает показательные казни, – говорю я. – «Волков» считают отморозками, но это не отменяет того, что у нас должны быть принципы и хоть какие-то правила.

– Да? Тогда пойди и объясни это своим подданным, *король «Волков»*, – едко произносит Рома и отталкивает меня, ударив в грудь.

Он разворачивается и шагает к воротам. Тихо вздыхаю и двигаюсь следом, засовывая руки в карманы:

– Я думал, это твоя работа.

– Прикрывать твою задницу?

– Готовиться принять этот пост.

– Вы все-таки уезжаете? – спрашивает Рома, замедляя шаг.

– Да.

Он бросает на меня колючий взгляд и больше не произносит ни слова. Пересекаем поле по протоптанной тропинке, из здания впереди доносятся смех и звуки музыки, рассеивающиеся в летней прохладной ночи. Ну вот, а Рома говорил, что все на панике. Сейчас уже, наверное, никто и не помнит о том, что случилось час назад. Заходим в старую постройку, взгляды присутствующих прилипают ко мне. А может, и помнят. Останавливаюсь и расправляю плечи, обводя ребят взглядом. Приподнимаю уголки губ и громко произношу:

– Батя в здании, народ! Всем расслабиться, проблем нет!

Ближние пацаны салютуют мне жестяными банками и пластиковыми стаканами, остальные молча возвращаются к игре в карты или разговорам. Вряд ли кто-то из них переживал за здоровье малого, скорее из-за возможной стычки с полицией. Нас и так ненавидят, лишние проблемы ни к чему. И, пока я здесь, их точно не будет.

Ловкая теплая ладошка нежно опускается на мой живот, в плечо упирается мягкая грудь. Нос улавливает тонкий сладкий аромат, к которому я еще не привык, но уже запомнил. В этот раз Крис совсем другая, и дело не только в марке духов. Она меняется после каждого нашего расставания, словно примеряет новые образы и маски, и так даже интереснее. Я будто не возвращаюсь к бывшей, а нахожу новую.

– Поищу что-нибудь выпить, – говорит Рома, оставляя меня в плену Крис.

– Все хорошо? – спрашивает она, запрокидывая голову.

Поворачиваюсь и заглядываю в ее обеспокоенные зелено-карие глаза в обрамлении щедро накрашенных ресниц. Недавно подстриженная челка, разделенная прямым пробором, касается ее румяных щек.

– Теперь да, – отвечаю я и целую ее мягкие податливые губы.

Эта версия нежной и беспроblemной Крис нравится мне больше всех предыдущих. Возможно, мы даже продержимся до конца нового учебного года, но это не точно.

– Ты всех напугал.

– Знаю, так было нужно, – произношу уверенно и вижу на ее лице безропотное понимание.

– Да, этот парень настоящий кретин. Предлагать тебе...

– Давай не будем об этом.

– Конечно, – улыбается она, сощурившись, и смотрит в сторону. – Идем, кажется, Рома отжал у кого-то бутылку виски.

– Поэтому мы с ним и дружим, – устало вздыхаю я.

Крис громко хохочет, словно услышала потрясающе веселую шутку. Может, я погорячился, сделав вывод об ее удачном апгрейде?

Даже лошадиная доза алкоголя и сумасшедший секс не спасают от бессонницы. Мысли не дают покоя, в голове кружит стая кричащих птиц, потерявших направление привычного маршрута. Четвертая сигарета совершенно пустая на вкус, но я поджигаю пятую, чтобы хоть чем-то себя занять. Шлепки босых ног, доносящиеся из прихожей, заставляют тяжело вздохнуть. Предвкушаю долгий и нудный разговор в стиле Крис первой версии, но она тихо входит в кухню и садится за стол, не зажигая свет.

– Не спится? – спрашивает она нежным шепотом.

– Ага, – отвечаю я, упираясь затылком в подголовник кресла.

– Хочешь, я поеду домой?

Ее примерность пропитана фальшью, и все же мне льстит то, как она старается. А еще мне нравится смотреть на красивую обнаженную девушку, гуляющую по квартире.

– Нет, – отвечаю я и тушу сигарету в потрескавшемся блюде, что стоит на краю стола. – Лучше иди сюда.

Крис медленно встает, позволяя рассмотреть каждый изгиб ее соблазнительного тела. Она обходит стол и забирается ко мне на колени. Провожу ладонями вниз по ее спине, Крис крепко обнимает меня в ответ и прижимается щекой к макушке. Ее тепло согревает, но этого все еще недостаточно. Спичка не может стать факелом. Пусть Крис ведет себя по-другому, она все та же, да и я не менялся. Сколько еще мы будем обманывать друг друга?

– Как она? – шепчет Крис, зарываясь пальцами в волосы на моем затылке, и массирует кожу, легонько царапая ее кончиками острых ногтей.

Сердце сжимается от болезненного напоминания, и я возвращаю Кристине эти ощущения, стискивая кожу на ее бедрах:

– Ничего нового.

– Дань...

– Не называй меня так, – резко обрываю я.

– Нас ведь никто не слышит.

– Я слышу, – мой голос тверд, мысли полны ожиданий.

Может быть, сейчас все изменится. Может быть, она поймет наконец, что к чему.

– Это твоё имя! Почему я не могу?! – Крис повышает голос, но резко замолкает, теснее прижимаясь ко мне и глубоко вдыхая. – Извини, занесло.

Беззвучно усмехаюсь, опуская веки. Как я и думал, прогресса нет. Несколько минут в равнодушном безмолвии утягивают в темную пустоту, но, к сожалению, Крис не может долго сохранять тишину.

– Что ты собираешься делать после колледжа? У нас ведь последний год.

– Не знаю. Еще не решил, – с легкостью лгу я.

– Понятно.

Стая птиц в голове замедляется, но только чтобы через секунду закружиться с новой силой. Последний год. Смогу ли я сделать еще хоть что-то? Пусть немного, но изменить этот гребаный мир. Получится ли вытащить еще одну заблудшую?

– Крис, иди ложись.

– Ладно. – Она оставляет поцелуй на моем виске, ласково прижимаясь губами к коже. – Я люблю тебя.

Ответа нет. Его никогда не было. Руки сами знают, что делать. Я изучил ее тело вдоль и поперек, каждую его часть. Без особых усилий завожу Крис, скользя пальцами между ее бедер и целуя нежную кожу на шее.

– Жду тебя в постели, – произносит она с придыханием и сползает с моих колен.

– Скоро приду.

Она уходит, изящно покачивая бедрами, словно ничего не произошло и не было сказано этих idiotских слов. Крис – мой самый первый и не совсем удачный эксперимент. Я думал,

что смогу ей помочь, но допустил несколько непростительных ошибок. Именно поэтому она все еще рядом со мной. Все еще верит в то, что у нас может что-то получиться.

Достаю из пачки еще одну сигарету и запрокидываю голову, чиркая зажигалкой перед лицом. Дым наполняет легкие с первым вдохом и рассеивается в темной комнате после выдоха. Я должен закончить с ней до конца года, дать ей новый стимул и новый смысл, иначе я ничем не лучше, *чем он*.

POV: Алена

Обвожу взглядом небольшую комнату с грязно-бежевыми стенами. Слой пыли на подвесных полках толщиной с палец, за единственным окном виднеется темная ржавая решетка. Никаких занавесок и других элементов уюта, кроме леопардового пледа на одной из двух кроватей.

– Поверить не могу, что они отправили тебя туда, – слышу печальный голос Маши из телефонной трубки.

– Я и сама не верю.

– Так жаль, что ты не вернешься в этом году. Я привезла тебе новую одежду. Ну как новую... Лолка свои вещи разбирала и оставила кое-что для тебя. Думаешь, я смогу их тебе передать?

– Не знаю, Маш. Я уже ничего не знаю.

– Расскажи, что вообще случилось? Ты была недоступна последние две недели, я переживала.

Касаюсь рукой бритой макушки, и на глаза наворачиваются слезы. Эти две недели я просидела взаперти, размышляя о том, что меня ждет в Волковском колледже. Возвращение мобильного телефона обрадовало, но даже с ним вряд ли будет легче выжить в этой тюрьме.

– Родственнички решили, что мое место среди «Волков», – только и произношу я.

– Не понимаю, почему они тебя держат. Ты совершеннолетняя и...

– Маш, пожалуйста, не надо. Я мечтаю, чтобы они выгнали меня или отказались. Я... я просто...

– Прости, Ален. Не расстраивайся, ладно? Мне жаль, что так вышло, но подумаешь, «Волки»! Может быть, все не так плохо? Какая разница, где учиться? Вот получим дипломы и уедем с тобой куда-нибудь далеко, где твоя семейка уж точно нас не достанет.

Слова Маши немного успокаивают. Мысли о светлом будущем не позволяют надежде погаснуть, но здравый рассудок не желает молчать. Никто не знает, что будет через год, а тем более два. Мы не можем заглядывать так далеко.

– Здесь еще хуже, чем я себе представляла. На окнах решетки, все грязное и старое, – понижаю голос до шепота. – Я видела, как дядя разговаривал с комендантшей. Эта тетка похожа на ведьму.

– У нее бородавки на носу?

– Если бы...

Вдруг дверь распахивается, и в комнату врывается женщина средних лет. Подпрыгиваю на старом матрасе, едва не выронив телефон, и испуганно хлопаю ресницами. Неужели она меня слышала? Вдруг и правда ведьма?

– Миланович?! – грозно вскрикивает комендантша.

– Я перезвоню, – быстро говорю Маше и сбрасываю звонок. – Да, это я. Здравствуйте.

Женщина бросает на кровать стопку постельного белья, подушку и тонкий матрас и прищуривается, впиваясь в меня пытливым взглядом. Ее темная растрепанная коса свисает с одного плеча, а черный балахон в пол только добавляет ведьмовской безуминки. Не хватает

лишь метлы и остроконечной шляпы. Что-то мне подсказывает, что с этим персонажем лучше не ссориться. Себе дороже.

– Спасибо, – скромно улыбаюсь я. – Меня зовут Алена, а вас?

– Агата Павловна, – настороженно отвечает она.

– Рада знакомству, Агата Павловна.

Женщина оторопело дергает головой, будто я щелкнула ее по лбу. Черты ее лица немного смягчаются, а в блеклых глазах проступает слабый отблеск жалости:

– И я тоже рада, Алена.

Агата Павловна еще несколько мгновений внимательно меня разглядывает, а после подходит к кровати и забирает матрас, больше похожий на тонкое покрывало, которому навскидку чуть меньше пятидесяти лет.

– Принесу тебе другой. И одеяло. Ночи здесь холодные.

Ее внезапная забота уже согревает, на душе становится чуточку спокойнее, но ненадолго. Агата Павловна вновь приобретает устрашающую серьезность и произносит:

– Будь осторожна, девочка. Не думаю, что ты вступишь в местный контингент. Тебе придется отрастить когти и клыки, но, если будешь нарушать правила общежития, я сама тебя покусая.

Не знаю, что сказать, поэтому молча киваю, будто все поняла. Агата Павловна едва заметно качает головой и покидает комнату, одарив меня на прощание косым сочувствующим взглядом.

Время близится к полудню, яркие солнечные лучи бьются в окно. Даже после влажной уборки комната не стала выглядеть лучше, но по крайней мере дышится здесь теперь куда легче. Заканчиваю раскладывать вещи, заняв меньше половины шкафа и всего одну подвесную полку, чтобы не стеснять соседку. Из коридора доносятся женские крики, и я замираю на месте, внимательно прислушиваясь.

– Да все я помню, Павловна, не нуди! Ты же меня знаешь!

Голос Агаты Павловны не такой звонкий, чтобы разобрать слова, но недовольство чувствуется в одной лишь интонации.

– Ничего я ей не сделаю! Буду самой приличной, не переживай! Да бросила я! Бросила!

Дверь за спиной открывается, и я напрягаюсь всем телом, готовясь к худшему. Мысленно уговариваю себя быть вежливой и не зажиматься, кто бы ни стоял сейчас рядом. Мне не нужны проблемы.

– Офигеть! – восторженно вскрикивает незнакомка. – Вот это улет, крошка! Прическа – огнище!

Если принять это за комплимент, то начало не такое уж и плохое. Медленно оборачиваюсь, натягивая на лицо приветливую улыбку. Невысокая девушка с маленьким приплюснутым носом беззастенчиво таращится на меня, толкая ногой дверь. Ее виски выбриты и окрашены в белый, вверх торчат оранжево-красные пряди. Вот у кого не волосы, а настоящий огонь. Ничего себе! Да и от ее наряда может загореться все вокруг: красное боди, черные широкие штаны на резинке, спущенной ниже набедренных косточек.

– Привет, – произношу я, по привычке заводя руки за спину, и сцепляю пальцы в замок.

– Привет-привет, соседка, – отвечает она, швыряя дорожную сумку на кровать поверх леопардового пледа. – Я Зоя, но для своих просто Зю.

– Алена, – киваю я. – Приятно...

Зоя бесцеремонно подлетает ко мне, хватая за голову, заставляя наклониться, и рассматривает то, что осталось от моих волос:

– Да уж, издаleка выглядело лучше. Я бы отрубила руки твоему парикмахеру и скормила их воронам. Ну ничего, не бойсь. Подровняем, осветлим, будет еще круче. Черепушка у тебя ровная. В детстве не роняли – повезло.

Ее напор дезориентирует, но Зою, похоже, ничего не смущает. Она широко улыбается, сжимая мое лицо в ладонях, и смотрит в глаза. С трудом сглатываю слюну, скопившуюся во рту, и жду, когда она налюбуется.

– Ну чего трясешься, крошка? Страшно?

– Нет, – тихо отвечаю я.

– Не ссы, я сытая. Не сожру, – весело подмигивает она и отходит к своей кровати.

Зоя поворачивается ко мне спиной, раскрывает сумку и принимается вытаскивать одежду и кучу укладочных средств для волос в баллончиках и баночках. Прижимаю вспотевшую ладонь к напряженному животу и тихонько выдыхаю. Кажется, пронесло. Сажусь на свою кровать, поджимая ноги, и молча наблюдаю за соседкой. Зоя не отличается особой аккуратностью и за пять минут распахивает все свои вещи по полкам и ящикам, а после открывает окно и достает серую палочку, которую тут же подносит к губам. После затяжного вдоха Зоя выдыхает белый дым, по запаху напоминающий сухую смесь летних ягод, и поворачивается ко мне, протягивая электронную сигарету:

– Никотин есть, вони нет. Будешь?

– Нет. Здесь же нельзя курить.

– Если никто не узнает, то можно, – пожимает Зоя плечами и заваливается на кровать. – Я так удивилась, когда Павловна сказала о соседке. Думала, жить мне одной до самого выпуска. Здесь нечасто, но бывает одиноко. Хочется с кем-то поболтать в ночи или одолжить пару шмоток, понимаешь?

Понимаю ли я, что такое одиночество? Дайте подумать... Я потеряла обоих родителей в восемь лет и с того времени живу с родственниками, которые меня на дух не переносят. Я не сижу за общим столом во время еды, почти не хожу на прогулки или любые другие веселые мероприятия. Только в прошлом году я узнала, что такое настоящая дружба, когда поступила в колледж, но в момент лишилась и этого. Наверное, да. Я достаточно хорошо понимаю, что такое одиночество.

– Много у тебя уже было соседок? – интересуюсь я, чтобы поддержать разговор и прощупать Зою, как человека. Мне ведь нужно понимать, с кем я буду спать в одной комнате. Вдруг придется делать это с открытыми глазами.

– М-м-м... – задумчиво тянет Зоя. – Четыре вроде. Может, пять.

– И что с ними случилось?

Зоя недобро усмехается, и я уже сомневаюсь, что хочу знать ответ. Она вытягивает руку и указывает пальцем в левый угол комнаты:

– Видишь дырку на шкафу?

Перевожу взгляд в сторону, в горле становится сухо: внушительная растрескавшаяся вмятина на деревянной дверце зияет прямо на уровне человеческого роста. Отпечаток головы? Надеюсь, Зоя никого тут не убила. Поговаривают, что у «Волков» это не редкость.

– Да шучу я, крошка! – звонко смеется Зоя. – Это было здесь еще до меня. Я все время жила со старшекурсницами. Они выпустились, вот и все.

Хочется в это верить.

– А на каком курсе ты? – задаю я следующий вопрос.

– Последний. Даже жаль.

– Почему?

– Это мой дом. Единственный, который есть, – произносит Зоя с осязательным теплом, уставившись в потолок.

– За что ты здесь?

Соседка заливается еще более громким смехом и поворачивает голову, чтобы взглянуть на меня. Не знала, что я такая смешная.

– Ты так спросила, словно в тюрьму попала.

Искоса гляжу на решетку за окном и отвечаю:

– А разве нет?

Зоя резко подпрыгивает и опускает ноги на пол, наклоняется вперед и упирается локтями в колени. Ее поза выглядит устрашающе, как и пронзительный взгляд круглых темных глаз. Теперь ей уже не до смеха, а мне тем более.

– Слушай, Аленка... расслабь булки, о'кей? Не знаю, чего ты такая дерганая, но добрая половина того, что говорят о нашем колледже, – полная чушь, понятно?

Как тут не согласиться? Коротко киваю, а она продолжает:

– Никто здесь студентов палками не бьет, не режет, мы не занимаемся жертвоприношениями и не едим сердца и другие органы неугодных. Все это придумали дебилы, которые считают себя лучше нас. Здесь обычная бюджетная шарага, и учатся в ней ребята, которым просто повезло в жизни чуть меньше, чем остальным. И если ты сама здесь, то должна понимать, что это значит. Среди нас, конечно, есть особые экземпляры, я укажу тебе на них пальцем, чтобы держалась подальше, а в остальном... – Зоя презрительно хмыкает и качает головой. – Перестань изображать бедную овечку, случайно попавшую в стаю волков, и все будет норм. Контакт есть?

Ее речь производит впечатление. Немного жестковато, но очень доходчиво.

– И да... – говорит Зоя, скривив губы, – у каждого из нас за плечами своя говняная история. Кто-то говорит об этом, кто-то нет. Вот тебе первое правило, крошка, – никогда сама не начинай этот разговор и ничего не расспрашивай, можешь получить по лицу за слишком длинный нос.

Совет ценный, нужно запомнить.

– Ясно, – отвечаю я серьезно.

Зоя выходит из образа волчицы, снижая уровень эмоционального давления, и делает пару затажек, глядя на меня сквозь дым.

– А ты типа прилежная умница, да? Теперь мне и самой интересно, че тебя сюда запихнули, но правила одинаковы для всех. Захочешь, сама расскажешь.

– Может быть, в другой раз.

– Забились, – подмигивает Зоя. – Так, а теперь нужно что-то сделать с твоей головой. Я не могу на это смотреть.

Делаю глубокий вдох и решительно поднимаю подбородок. Основной принцип выживания в новой среде – не хочешь проблем, не выделяйся. В случае с «Волками», чем вызывающе я буду выглядеть, тем меньше внимания буду привлекать.

– Делай что хочешь. Все что угодно будет лучше, чем это, – указываю пальцем на свою макушку.

Глаза Зои загораются воодушевлением, и она задорно отвечает:

– Ты не пожалеешь, крошка. Я лучшая в этом деле.

Пару часов спустя удивленно смотрю на свое отражение в зеркале и с трудом сдерживаю слезы, которые вызваны уже не отвращением к себе, а совсем наоборот. Пепельный блонд с фиолетовым отливом, который, по словам моего мастера, должен смыться через несколько дней, выглядит просто волшебным. В восхищении открываю рот, не в силах подобрать слов. Не знаю, кто это, но точно не я.

– Можем еще пару цветных полосочек за ушами добавить, – предлагает Зоя.

– Нет! Все и так идеально, – поворачиваюсь к ней и с трудом сдерживаю порыв, чтобы не наброситься с объятиями. – Спасибо! Это... это...

– Не за что, – довольно улыбается Зоя. – Можешь обращаться, когда захочешь, мы же подруги.

При других обстоятельствах я бы не восприняла эти слова всерьез. Какие еще подруги? Мы знакомы несколько часов, но сейчас я действительно рада это слышать. Завести друга в первый же день – отличный результат.

– Конечно! Знаешь, Зю, я так переживала, что меня здесь не примут, но ты... ты очень классная! До сих пор не могу поверить, что мне так повезло с...

Грохот музыки из соседней комнаты обрывает меня на полуслове. Певец истошно завывает, а Зоя изображает кота, наевшегося шерсти: открывает рот и высовывает язык, в центре которого блестит серебряная сережка.

– Приехала моя головная боль, – недовольно рычит Зоя. – Марина, а ну выруби эту дрянь, пока я не разбила колонку о твою тупую башку! Ты меня слышишь?! Вот же стерва!

Крики не действуют, музыка становится только громче.

– Ну все... – Зоя злобно раздувает ноздри и вылетает из комнаты.

Через несколько секунд певец замолкает, и вместо него высокие ноты тянут два женских разъяренных голоса. Угрозы сыплются одна за другой, и с каждым разом все изощренней и изощренней. Глухой стук! Громкий вскрик! И вот на пороге снова появляется моя соседка, сжимающая клок светлых волос в кулаке. Она брезгливо морщится и выбрасывает его в окно, а потом оборачивается ко мне:

– Что ты там говорила?

Думаю, мне следует запомнить еще одно правило – не злить Зою и не включать громко музыку.

– Что очень рада нашему знакомству, – отвечаю я тонким голосом.

– И я тоже, крошка, – весело подмигивает мне Зоя. – Та-а-ак, с прической мы разобрались, пора определиться и с нарядами. У нас в запасе всего полчаса.

Она ныряет в шкаф, держа в зубах электронную сигарету, а я делаю несколько шагов назад.

– С какими нарядами? – удивленно спрашиваю я.

– Сегодня традиционный тусняк перед началом года. Это отличная возможность всем тебя представить, а заодно и повеселиться.

– А мне обязательно идти?

Зоя оборачивается, ее лицо окружает белый дым, а в темных глазах мерцает недовольство. Черт возьми, она меня реально пугает!

– Какие-то проблемы?

– Нет, – мотаю головой. – Никаких.

Глава 3

POV: Алена

Сборы проходят под веселый и немного грубый щебет Зои. Надеваю свои единственные приличные джинсы, которые Лола подарила мне в конце весны, и простую зеленую водолазку с длинными рукавами, потому что от вечернего ветра из открытого окна уже веет холодом. Это осень тянет руку для дружеского приветствия. Зоя же оказывается горячей девушкой, как внутри, так и снаружи: натягивает черные штаны, рваные на бедрах и коленях, и короткий белый топ, дополняя образ огромной тонкой ветровкой с неоновыми-зелеными вставками. Она критическим взглядом осматривает меня перед выходом, и я морально готовлюсь к борьбе. За помощь с волосами я благодарна, но одеваться, как Зоя, точно не стану. Ей этот смелый стиль очень идет, а вот я буду выглядеть как жалкая пародия на Леди Гага. Проходит секунда, и, на удивление, Зоя задает простой короткий вопрос:

– Готова?

– Ага.

– Тогда идем.

– Ты так и не сказала, куда нам идти.

Зоя закатывает глаза, толкая дверь, и выходит в коридор:

– Вот ты зануда. Не любишь сюрпризы?

Если ее сюрприз – заброшка, то мне нужно будет очень быстро придумать, как слиться с этого веселья до того, как мы туда доберемся.

– Предпочитаю быть подготовленной, – уклончиво отвечаю я.

– Точно зануда, – хмыкает Зоя. – Да не ссы, тут недалеко. На территории есть здание, раньше это был концертный зал или что-то типа того, но сама понимаешь... где мы, а где дебилские концерты? Года три назад его переоборудовали в клуб, чтобы студенты не сбегали по ночам.

– У вас есть свой клуб? – не могу сдержать удивления.

– Да! – с гордостью произносит Зоя и легонько толкает меня локтем в бок. – Не такой уж и стремный колледж, а? Моя бывшая соседка часто говорила, что администрация готова на все, чтобы держать нас в узде, и для этого им приходится идти на уступки. А еще она утверждала, что нас всех сюда запихали и держат вместе в надежде на то, что мы перебьем друг друга. Что-то вроде самоочистки мироздания.

– Звучит как-то не очень...

– Знаю, но жестких конфликтов уже давно не было. Спасибо Мнацу. Не знаю, как ему удается, но он держит контроль и над нами, и над преподами. Его все слушают, и все довольны. Мы практически одна большая дружная семья.

Услышав знакомое имя, сбиваюсь с шага, но быстро беру себя в руки. Значит, он точно отсюда. Эта информация отправляет мою и без того слабую решительность в нокаут. Не хотелось бы снова столкнуться с этим психом. Зоя продолжает рассказывать о колледже, пока мы шагаем по внутренней территории мимо учебных корпусов, но я теряю нить разговора, как только неподалеку разносятся чужие голоса. Опускаю голову и обхватываю себя руками. Страх выбирается из уголков души, а бессилие шепчет: «И почему я должна проходить через это? Почему я здесь?» Зоя приветствует мимо проходящую компанию, перебрасываясь с ребятами парой фраз, и, когда они отходят достаточно далеко, обращается ко мне:

– Там что-то интересное?

– Где?

– Внизу. У тебя под ногами.

– Э-э-э... – растерянно тяну я.

– Вот именно! Слушай меня внимательно, принцесса, – Зоя говорит жестко, в ее голосе хлопочут негодующие нотки. – Здесь тебе не Диснейленд, ясно? Я пыталась быть с тобой максимально мягкой и как-то подбодрить, потому что не слепая и вижу, что ты в шоке от происходящего, но, похоже, до тебя по-другому не дойдет. Все, что я говорила, правда. Бояться нечего, но народ здесь в самом деле специфический. Мы привыкли брать от жизни все и бороться за каждый кусок. Если будешь вести себя, как забитая мышь, тебя просто сожрут. Ты в стае волков, Алена, и мы не трогаем только своих. Так что подбери сопли и подними голову. Ты уже одна из нас. Не дай им в этом усомниться, и вот тогда все будет хорошо. Усекла?

– А у меня есть выбор? – спрашиваю я обреченно.

– Конечно, есть, но второй вариант тебе не понравится.

Делаю глубокий вдох, распрямляя плечи и поднимая голову.

– Вот так уже лучше. Не мнись, не отводи глаза, ну и... держись ко мне поближе. Черт! Подослали соседку! Я что, похожа на фею крестную?! Биббиди-боббиди-фак! – Зоя взмахивает средним пальцем, словно это и есть ее волшебная палочка.

С губ срывается короткий смешок. Кто бы мог подумать, что Зоя любит старые диснеевские мультики? Возможно, в ней куда больше от обычной девочки, чем от волчицы, но окружение творит с нами ужасные вещи. Ты либо с ним, либо против него.

– Заклинание помогло, – произношу я с толикой уверенности и веселья. – Спасибо.

– Да на здоровье! Идем уже скорей, у меня в горле пересохло. Как же трудно быть волшебницей.

Волковский клуб очень даже напоминает настоящий, только в миниатюре: приглушенный свет, россыпь ярких цветных точек на потолке, танцпол в центре, подобие бара в дальнем закутке, а вдоль стен расставлены старые диваны и кресла. Я уже была в одном ночном заведении, Машка как-то раз вытащила, но моего терпения хватило ровно на час. Слишком шумно, темно и непонятно. Интересно, сколько я выдержу сегодня?

В целом обстановка очень похожа на ту, что я видела на заброшке, разве что в карты никто не играет. Молодежь отдыхает: танцует, болтает, смеется. Гремит музыка, звучат развязные голоса. Перебарываю желание спрятаться, усилием воли держа голову прямо и шагаю рядом с Зоей, которая направляется к компании девчонок, стоящих у края танцевальной площадки.

Очень стараюсь делать то, что было наказано, – не отвожу взгляд и веду себя спокойно, словно все происходящее для меня в порядке вещей. Мой новый образ неплохо вписывается в окружающий антураж, все девушки здесь яркие, их наряды, прически и макияж поражают. Может, стоит поблагодарить дядю, что подстриг меня перед отправкой сюда? Если я пришла бы с русой косой, то еще не известно, как бы меня приняли.

Знакомство с подругами Зои выходит немного агрессивным, каждая из девушек показывает клыки, но я прохожу проверку с достоинством, уже наученная опытом. Девчонки расслабляются, не увидев во мне угрозы, и через пару минут волчье рычание сменяется обычным девчачьим трепом: свежие сплетни, парни, новый учебный год. То же самое, что было бы и в моем колледже, правда, от местного жаргона у меня иногда подергивается глаз.

– А вы в курсе, что у нас снова есть королева? – говорит Ксюша, качая головой в бит.

– Да ты гонишь! Новая? Кто? – пораженно спрашивает Анжела.

– Новая? Как же... – презрительно хмыкает Зоя.

Девчонки устремляют взгляды в одну сторону, и я поддаюсь влиянию большинства. На диване, стоящем поверх невысокого подиума, который, по всей видимости, раньше был частью

сцены, вижу тех, кого мечтала больше никогда не встречать. Мнац и его девушка в самом центре внимания. Она сидит у него на коленях, будто восторженная девочка, впервые увидевшая Деда Мороза, и безудержно смеется. Ее короткие шорты выставляют напоказ стройные ноги, длинные волосы распущены и рассыпаны по плечам, укутанным в легкую лавандовую толстовку. Ровно такая, как я помню: кокетливая, веселая и уверенная в себе, а вот Мнац кажется чуточку другим. Расслабленным и безучастным, будто он вообще не знает проблем и из-за этого скучает. Будто не он две недели назад чуть не убил моего брата. Его ноги широко расставлены, носки белых кроссовок смотрят в стороны. Черные спортивные штаны и широкая футболка с глубоким воротом больше похожи на одежду для сна, а темные волосы небрежно всклокочены. Одна его рука лежит на обнаженном бедре королевы, вторая – подпирает висок, облокотившись на спинку дивана.

При виде их во мне просыпается злость, приправленная ненавистью, что клокочет в груди яростными ударами сердца. Если бы Мнац тогда не побил Лешу... если бы он сдержался, а не пытался выставить себя всемогущим вожаком стаи, то, возможно, меня бы здесь не было. Он ведь мог просто отказаться, и тогда Леша остался бы всего лишь должником, а не получил сломанный нос, сотрясение и месяц реабилитации. Сжимаю руки в кулаки, в носу щиплет. Теряю эмоциональное равновесие, но недовольный голос Зои быстро прибавляет меня к полу:

– И что он в ней нашел?

– Может, у нее между ног рай? – бросает предположение Анжела.

– Или между губ, – дополняет Ксюша, дернув угольно-черными бровями.

– Да будь она хоть магистром горлового! – ядовито бросает Зоя и отворачивается.

– А вообще, я согласна, это странно, – кивает Анжела. – Мнац после Крис все время с новыми девками гоняет, ей самой потом не противно к нему возвращаться?

– Что тут странного? Таким добром грех не делиться. – Ксюша облизывает губы и стреляет голодным взглядом в Мнаца и компанию. – Ты видела его бывших? Все как заново родились. Они о нем, конечно, не говорят и вообще ничего не рассказывают. Даже не знаю, что он с ними делает и как стирает память, но все, как одна, меняются только в лучшую сторону.

– Ага, – смеется Анжела. – Он им мозги высасывает и новые вставляет. Что за бред, Ксюх?

– Ничего не бред! Все может быть! Ты видела Настюху в этом году? Нет? А я с ней в коридоре столкнулась. Едва узнала!

– А Лизку ты видела? – продолжает спорить Анжела. – Вот и я нет. А уже больше года прошло.

– Не думаю, что это как-то связано с Мнацем, – встревает в разговор Зоя. – Она, наверное, просто переехала.

С трудом понимаю, о чем речь, но все-таки можно сделать выводы. Точнее, всего один. От Мнаца стоит держаться как можно дальше. Буду надеяться, что он меня не узнает и не вспомнит. Короли ведь не запоминают мусор под ногами. Бросаю на него косой взгляд и тут же жалею об этом, потому что... он смотрит точно на меня. Какого черта?!

Переглядки с королем длятся не больше нескольких секунд, ладони потеют, а паника стремительно охватывает мысли. Что, если он меня все-таки узнает? Что, если захочет поговорить и все это увидят? В голове воет сирена, мерцающие в клубе огни вдруг кажутся только красными.

– Здесь есть туалет? – спрашиваю у Зои, надеясь на отрицательный ответ, потому что тогда я без проблем и споров смогу вернуться в общежитие.

– Конечно, – отвечает она и указывает в противоположный угол зала. – На двери нарисована дыня.

В непонимании хмурю брови, а девчонки заливаются веселым смехом.

– Иди, не бойся, – подбадривает Зоя. – Только картинку не перепутай и дверь хорошо запри.

Скованно киваю и быстрым шагом пересекаю танцпол, желая как можно скорее оказаться в безопасном одиночестве. Может, мне показалось? Может, он всего лишь смотрел в нашу сторону, а не конкретно на меня? В узком коридоре горит синий свет, справа дверь, а на ней яркое изображение в стиле уличных художников. Баклажан? Ну и юмор у этих ребят. Рассматриваю дверь по центру, еще одна картинка – дыня нанизана на баклажан. Очень доходчиво. А чего я ожидала от этого сумасшедшего места? Свободолюбивые психи без тормозов!

Залетаю в левую дверь и с усердием защелкиваю замок, а после пару раз проверяю, достаточно ли хорошо заперлась. Включаю воду в кране, а сама пытаюсь придумать, что делать дальше. Как себя вести? Остаться или сбежать? То, что на моей стороне Зоя, – настоящая удача, но достаточно ли этого? Они все дикие и странные. Сейчас улыбаются, а через мгновение могут вцепиться в горло. Я к такому не готова и вряд ли когда-нибудь буду.

Даю себе несколько минут, чтобы успокоиться. Лучшее из того, что я могу, это просто не высовываться. Быть незаметной. Слиться с толпой. Кому вообще какое до меня дело? Я невидимка. Шумно выдыхаю, пытаюсь уговорить себя. Вот, так уже легче. Скорее всего, даже Мнацу плевать. У него все и так распрекрасно. Да, верно! Им же фиолетово! Они в своей стихии и на своей территории. Если от меня нет проблем, то и у меня их не будет. Чувствую себя куда уверенней и выключаю воду в кране, повторяя про себя слова Зои, которые никак не хотят приживаться в голове.

«Я одна из них. Одна из них».

Выхожу из туалетной комнаты с четким намерением вернуться к девчонкам и, возможно, даже повеселиться, забыв обо всем, но натыкаюсь на суровый взгляд светлых глаз. Замираю и открываю рот, будто получив удар по горлу. Кажется, я где-то просчиталась.

– Есть разговор, – произносит Мнац и запикивает меня в комнату по центру, грубо схватив за плечо.

Не успеваю и слова сказать, как оказываюсь за закрытой дверью. В панике кручу головой, выискивая выход или укрытие. Свет приглушен, из колонок под потолком тихо играет музыка. У стены вытянулся кожаный диван, рядом тумбочка, на которой стоит корзинка с квадратными блестящими пакетиками, а в углу душевой поддон с прозрачной занавеской. Мерзость какая. Разворачиваюсь, чтобы сбежать, но перед дверью стоит Мнац, угрожающе скрестив на груди руки с вздувшимися дорожками вен. С ужасом распахиваю глаза шире, он же – безэмоционально смотрит в ответ.

– Что ты здесь делаешь? – холодно спрашивает Мнац.

Его тон, поступок... Все это выводит из себя даже больше, чем пугает.

– Учусь! – отвечаю я, вздрагивая от громкости собственного голоса, и с сожалением опускаю взгляд.

Плохо, очень плохо. Разборки мне не нужны. Нужно попытаться договориться по-нормальному.

– Первый курс? – гремит следующий вопрос.

– Нет. Перевелась на второй.

– Почему?

Сглатываю горькую слюну, челюсть дрожит, зубы стучат друг о друга.

– Ты знаешь почему, – отвечаю почти шепотом.

Мнац шумно вздыхает, щелкает замок. В висках пульсирует боль, жаром обдаёт лицо и шею.

– Зовут тебя как, сестренка? – спрашивает Мнац, неожиданно меняя манеру разговора – мягче, с большей осторожностью и без угнетающей враждебности.

Мило, но я больше на это не куплюсь. Я видела, кто он и на что способен. Видела! Нужно скорее поставить точку в общении с этим парнем.

– Послушай, тебе не о чем переживать, – тараторю я сбивчиво. – Я не собиралась трепаться. Давай просто сделаем вид, что...

– Смотри на меня, когда говоришь! – приказным тоном перебивает он.

Мгновенно поднимаю голову, смыкая губы. Мнац разочарованно морщится:

– Так и думал.

Не знаю, что делать. Не понимаю, к чему это все, и окончательно теряюсь. Там, в зале, Мнац был совсем другим, а передо мной снова тот, кто без колебаний бросился на незащитного парня, желая растерзать. Вспоминаю о Леше, о родственниках, о переводе в эту дурацкую стаю, обо всем, что причиняет боль, и непрощенные слезы застилают взгляд.

– Жалеешь себя, да? – ядовито усмехается Мнац, склоняя голову. – За что? Почему я?

Сердце стучит все сильнее, слов нет. Мнац делает шаг вперед, а я отступаю, упираясь задней поверхностью голени в мягкий край дивана.

– Тяжелый случай, но я могу помочь.

– Мне не нужна помощь, – выдавливаю я с непостижимым усилием, все еще пытаюсь держать оборону, но очевидно, что моя защита слишком слаба против такого, как он.

Мнац пробегает цепким взглядом по моему лицу и останавливается на глазах:

– Я так не думаю.

– Я хочу уйти. Пожалуйста.

Делаю несмелый шаг в сторону, но Мнац толкает меня, заставляя плюхнуться на задницу, наклоняется и упирается ладонями в спинку дивана с обеих сторон от моей головы. Машинально зажмуриваюсь и втягиваю голову.

– Какая же ты слабая. Жалко смотреть, – говорит он с откровенным пренебрежением. – Мне впервые приходится предлагать свои услуги так открыто, но у тебя все чересчур запущено. Будет больно, но оно того стоит. Обещаю.

– Не понимаю, о чем ты.

– Скоро поймешь.

Его лицо так близко, что трудно дышать. Страх лишает последних сил, оставляя лишь умоляющий шепот:

– Я не хочу...

– Боюсь, у тебя уже нет выбора.

POV: Мнац

Кажется, я еще не встречал настолько забитого и эмоционально потухшего человека, хоть и повидал немало. Где ее держали все это время? В земляном погребе? Полупрозрачные перепуганные глаза раздражают, резкие движения, не подразумевающие под собой никакой защиты, бесят. Что, черт возьми, с ней не так?! Инстинкты должны быть у всех, и самый сильный из них – инстинкт самосохранения, а у нее он словно перекручен в обратную сторону. Терпи, покорись и тогда, возможно, останешься цела, так она думает?

С отвращением отталкиваюсь от дивана и выпрямляюсь перед девчонкой, которая снова смотрит вниз, как послушная собачка. Ощущаю прилив силы и ядерной мотивации. Это знак, не иначе.

– Чем быстрее ты ответишь на мои вопросы, тем быстрее выйдешь отсюда, – говорю я, решив воспользоваться ее состоянием.

– Ладно, – мямлит она.

Будет сложно. Возможно, сложнее всего, с чем я сталкивался до этого момента. Сломать ее не составит труда, а вот собрать заново... Обычная тактика идет на фиг, с этой малой она точно не работает.

– Имя? – начинаю допрос.

– Алена.

– Сколько лет?

– Восемнадцать.

– Родители?

Она едва заметно качает головой, опуская подбородок еще ниже. Прискорбно, но это не оправдание.

– Как давно? – сухо спрашиваю я.

– Зачем тебе это?! – повышает голос Алена, но не убедительно, больше похоже на истерику, чем на готовность к борьбе за свои границы.

– Собираю сведения для стенгазеты, – язвительно отвечаю я. – Уже забыла наш уговор?

Угроза действует безотказно. Ее попытка противостоять растворяется в море моей уверенности и превосходства.

– Десять лет, – признается Алена.

Довольно долго. И если не родители, то кто ее так запугал? Вспоминаю малого и то, как он с ней обращался. Перемены в ее внешности тоже не остаются без внимания. В ушах стоит хруст ломающихся костей, и я сжимаю челюсть, контролируя злость.

– Леха твой родной брат?

– Двоюродный.

– И воспитывают тебя его родители, – бросаю догадку и по вздрогнувшим плечам Алены понимаю, что прав. – Ясно. Парень был?

– Нет.

– Девственница?

Алена зажимается все сильнее, еще немного – и разревется. Она нервно заламывает пальцы, колени дрожат. Да, я знаю, что это больно, когда в душе ковыряются грязной палкой. Все знаю, но потом она скажет спасибо. И даже если нет, я не обижусь. Мне не нужна благодарность, мне нужен результат.

– Алена, я ведь могу проверить это. Прямо сейчас, – подхожу к ней и заставляю поднять голову, схватив за подбородок.

– Да, – всхлипывает она.

– Умница, – довольно улыбаюсь. – Тогда отложим это на потом. Следующий вопрос. Перевелась ты сюда, конечно же, не по своей воле?

– Не по своей.

– Тебе здесь не нравится? Тебе не нравимся мы все?

– Да! – произносит она громко.

Потенциал есть, а значит, и шанс на положительный исход тоже. С этим можно работать.

– Хорошо, – ласково произношу я. – Ненависть – мощное топливо, хоть и недолговечное. Хватит для первого рывка.

– О чем ты говоришь?

Ловлю теплую слезу на ее щеке большим пальцем и стираю, наблюдая за своей рукой.

– Это тебе знать пока не обязательно, – вновь смотрю ей в глаза, пытливо прищурившись. – И последнее, Алена... что ты сделала, чтобы защитить себя?

Алена дергает подбородком, сбрасывая мою руку с лица, и уже сама поднимает на меня взгляд. Вижу ее ярость вперемешку со страхом и замираю в ожидании. Давай же! Сделай хоть что-нибудь! Алена встает с дивана и запрокидывает голову, поджимая бледные губы. Не двигаюсь ни на миллиметр, вообще не страшно. Ей придется проделать колоссальную работу, прежде чем она в самом деле сможет противостоять мне, а пока что это все выглядит просто жалко.

– Пошел ты! – выплевывает Алена мне в лицо.

Наклоняюсь ближе и ощущаю теплоту ее сбивчивого дыхания. Между нашими губами искрит напряжение, заряжая воздух. Многие бы спутали это со страстью или влечением, но только не я. Это всего лишь химия противоположных характеров и разных взглядов. Борьба стихий. Огонь против пустоты. Несложно догадаться, что обладает большей разрушительной силой, верно? Пустота губительна, но абсолютно инертна, а огонь... это неиссякаемый внутренний ресурс и оружие, с легкостью отсекающие головы. Смогу ли я разжечь пламя посреди пустоши? Попытаюсь.

– Я никуда не собираюсь, Алена, а вот ты... – оставляю отпечаток взгляда на ее губах, чтобы весь сегодняшний вечер, а может, и дольше, она думала только о том, что произошло в этой комнате. – Можешь идти.

Повторять дважды не приходится. Алена, словно ошалевшая, срывается с места и бросается к двери.

– Не советую тебе обсуждать наш разговор с кем-то. Можешь нажать еще больше проблем.

– Куда уж больше, – шипит она, пытаясь открыть защелку.

– Увидимся, Алена, – бросаю ей вслед и падаю на диван, глядя на захлопывающуюся дверь.

Ее история не нова – синдром Золушки во всей красе. Дядя и тетя в роли злой мачехи, Леша вместо мерзких сестер, а сама Алена, как прилежная принцесса, терпеливо ждет прекрасного принца, который должен влюбиться в ее чистую душу и безграничное самопожертвование и решить все проблемы, вызволив из башни бессилия. Банально до коликов в кишках.

Достаю из кармана пачку сигарет и кручу ее в пальцах. Нужно продумать следующий шаг и концепцию предстоящей работы. Я никогда не давал девушкам то, что они хотят, никогда не приписывал себе образ героя-спасителя. Если быть точным, то я всего лишь проводник. Большинство людей даже не подозревают, как сильно зависят от своих слабостей. И мне это на руку.

Теория жара и холода представляет собой эмоциональный наркотик, который губителен для всех и каждого, если ты хороший дилер. Привязать к себе человека несложно, нужно всего лишь заставить его привыкнуть к определенным эмоциям. Странновато звучит? Может быть, но на деле все очень просто.

Когда словами или действиями ты вызываешь у объекта эмоцию, позитивную или негативную, не важно, гормоны в его организме взрываются. Например, за функцию «нападай или беги» отвечает норадреналин и адреналин. В такие моменты мозг начинает работать активнее, кровоток ускоряется, повышается давление и тонус тела. То есть объект чувствует себя непривычно отважным и сильным, готовым на все, чтобы разрешить ситуацию, которая вызвала этот скачок. Круто, не правда ли? Он практически становится сверхчеловеком, совсем иной версией себя и подсознательно фиксирует этот момент, как что-то хорошее, важное и нужное. Следующий подход – еще один ряд гормонов. Дофамин, эндорфин и серотонин. Эти ребята отвечают за удовольствие и эйфорию и погружают человека в состояние пустоголового транса, расслабления и счастья. Вызвать их проще простого: ласковые прикосновения, нежные слова и поступки, которые точно тронут жертву. В этом случае эффект схож с предыдущим. Объект в эйфории будет стараться сохранить это состояние как можно дольше или вернуть его в случае потери контакта.

Если научиться правильно использовать эти знания, то можно взять под контроль кого угодно. Даешь дозу дофамина страстным поцелуем или парочкой проверенных фраз из разряда «ты самая удивительная, а глаза у тебя, как море», а после бахаешь адреналином, резко исчезая с горизонта и ничего не объясняя. Объект не сразу поймет, что происходит. Вот он был на вершине мира, а потом вдруг ударился о землю и вынужден спасаться. Он уже на ядовитой игле, ведь ему жуть как хочется вернуться к предыдущему состоянию. Повторите последовательно

эти действия несколько раз, и получите эмоционального наркомана, который будет находиться в постоянном поиске новой дозы. Гормоны делают его невероятно активным и чувствительным. Объект перестает жить в режиме спокойствия, его гормональный голод усиливается, и он будет изо всех сил стараться его утолить. А для этого ему нужны вы!

Элементарно, но в случае с Аленой есть небольшая проблема – другой исходный материал. Ее адреналин и норадреналин совершенно не пашут. Она их не чувствует или подавляет, иначе почему все время терпит вместо того, чтобы бежать или сражаться? Думаю, кто-то очень постарался, чтобы задавить ее до такой степени. С этим тоже придется разобраться, но всему свое время.

– Мнац! – слышу высокий встревоженный голос из-за двери.

Неторопливо поднимаю голову и опускаю рядом с бедром пачку сигарет, заставляя Крис еще немного понервничать.

– Да?! – отвечаю я, нарочно не озвучивая приглашения.

Кристина влетает в комнату и, увидев меня одного, торопливо сбавляет обороты. На ее лице заметна тень злобного беспокойства, которую она тщательно пытается скрыть за очаровательной улыбкой, чтобы не выпасть из нового образа, но наше прошлое сильнее. Сколько раз она заставляла меня здесь с другими девушками? Четыре? Может быть пять? А сколько раз это становилось поводом для нашего расставания? Ни одного. А все потому...

– Девочка моя, ты меня потеряла? – нежно произношу я и лениво растягиваю губы, хлопая себя по колену.

Цепь на шее Крис звенит от ментального рывка. Шаг, еще один. И вот Крис уже сидит на мне, трепетно прижимаясь к груди. Адреналин и дофамин в деле. Получив положительную эмоцию после отрицательной, Крис тут же забывает обо всем.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она, потираясь носом о мою щеку.

– Зашел отдохнуть.

– Один?

– Уже не один.

– Ты кажешься расстроенным? Что-то случилось? – сексуально понижает голос Крис, покачивая бедрами.

Теперь она чувствует себя виноватой за то, что усомнилась во мне, и пытается загладить вину. А возможно, просто хочет укрепить мое к ней расположение, чтобы оттянуть поставку следующей дозы адреналина. После такого количества скачков, что были у нас, Крис точно знает, что будет дальше уже на уровне подсознания.

Позволяю игре продолжиться и ловлю губы Крис своими. Влажные откровенные поцелуи посылают по телу волны возбуждения, что натягивают ткань моих штанов. Крис хороша. Бесспорно. Подтянутое тело, сексуальность бьет через край прямоком по яйцам. Задираю толстовку Крис и провожу языком по обнаженной груди, кожа уже покрылась крупными мурашками.

– Ах! – вздыхает Крис. – Дань... да...

Пора. Одним движением одергиваю вниз край толстовки и отстраняюсь, убирая руки с разгоряченного тела:

– Крис, выйди отсюда.

– Что? – В ее голосе все еще плещется возбуждение и предвкушение, но это ненадолго.

– Возвращайся в зал, – приказываю я, рассматривая складки между ее нахмуренных бровей.

– Но... я...

Губы Крис подрагивают, зрачки расширяются. Уверен, даже пульс участился. Отворачиваюсь, нащупывая пачку сигарет, и открываю ее, поддев верхнюю часть упаковки большим пальцем. Крис нерешительно встает и отходит к двери. Ее медлительность кричит о том, что

она все еще ожидает, что я остановлю ее или что-то объясню, а послушное молчание – явный признак капитуляции.

Достаю сигарету и прикуриваю, выказывая полнейшее безразличие к происходящему. Хлопает дверь, гневный топот слышен даже сквозь музыку. Хороший удар. Зуб даю, она представляла мою голову на пороге. Самое забавное, Крис сейчас испытывает очень негативные чувства. Вероятно, даже ненавидит меня, а может, и себя тоже. Уже через минуту все ее мысли будут заняты поиском причины моего поведения, и так как я не дал никаких подсказок, она выдумает ее сама или начнет ковыряться в себе. В конце концов она признает себя виновной, а меня оправдает. И когда я вернусь и обниму ее как ни в чем не бывало, Крис снова поймает эйфорию от моего внимания, ведь это будет значить, что у меня есть к ней чувства, что она мне не безразлична.

Многие думают, что это и есть та самая зашибенная штука под названием любовь. Что именно так она работает. Эти гребаные сердечки в глазах, постоянное самопожертвование и безукоризненное прощение через боль и страдания. Нас научили, что все хорошее в этом мире нужно заслужить. Хочешь быть счастливым, будь готов отгрызть себе руку и приготовить корыто для пота, крови и слез. Согласны с этим? Тогда лучше сразу разбейте голову об стену, потому что счастья вам не видать.

Глава 4

POV: Алена

Я совсем иначе представляла себе учебный процесс в Волковском колледже, но на деле все оказывается по-хорошему банально. Пары, преподаватели, лекции под диктовку и домашние задания. Есть прилежные ученики, есть прогульщики, толпа в столовой, очередь в женский туалет. Ничего необычного. Первые несколько дней я, конечно, хожу, как по битому стеклу, и все жду нового удара от короля, но даже если мы и сталкиваемся где-то на территории учебных корпусов, то Мнац проходит мимо, словно я пустое место. Другие ребята точно так же не проявляют к моей персоне никакого повышенного интереса, и это определенно плюс. Может быть, король «Волков» был не в себе и уже сам забыл о том, какую чушь нес в комнате разврата? Хорошо бы именно так все и было.

К концу второй недели я уже могу позволить себе выдохнуть и сосредоточиться лишь на том, что действительно важно, – оставаться в тени, минуя местные интриги, и хорошо учиться, чтобы не прогневать родственников. Большая перемена – прекрасная возможность передохнуть и подкрепиться, но вместо столовой я направляюсь во второй корпус, где у меня будет занятие по английскому языку, и захожу в буфет на первом этаже. В это время он всегда пустует, а значит, отлично подходит для убежища.

Поднимаюсь на носки, чтобы заглянуть за прилавок. Фигуристая девушка, сидящая на табуретке, откладывает в сторону журнал и поднимает на меня взгляд:

– Здравствуй, Алена. Тебе как обычно?

– Здравствуйте, Оксана. Да. Пожалуйста.

В колледже есть и свои плюсы. Например, на удивление добрый персонал и бесплатное меню для тех студентов, у которых нет личных средств или у кого опекуны такие же сволочи, как и мои. Не ресторанный уровень, конечно, но с голоду не помрешь. Забираю исцарапанный пластиковый поднос, на котором стоит стаканчик с чаем и контейнер с салатом из вареных овощей и зеленого горошка, и замираю перед витриной. За натертым до блеска стеклом лежат пышные круассаны, щедро политые глазурью из темного шоколада. Во рту скапливается слюна, а желудок страдальчески сжимается. Жаль, что эта красота стоит денег.

– Привезли полчаса назад, – говорит Оксана с нескрываемым сожалением.

– Выглядят здорово. Попробую их в следующий раз.

Задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать умопомрачительный запах свежей выпечки, и отхожу к столику в дальнем углу.

– Алена! Подожди!

Оборачиваюсь, смущенно прикусывая нижнюю губу. Только не это. Я всегда ненавидела моменты, когда кто-то чужой так открыто проявляет жалость. Чувствую себя бесполезным ничтожеством. Оксана забегает за занавеску и возвращается с небольшой бумажной тарелкой с двумя круассанами.

– Они позавчерашние, – говорит она, бережно опуская тарелку на прилавок. – Твердые, как камень, но если макать в чай...

– Нет! Что вы? – бормочу я, растерявшись. – Спасибо, но я не...

– Бери-бери, – тепло улыбается Оксана. – Я с этими просрочками скоро перестану влезать даже в спортивные штаны моего жениха, а у нас свадьба через два месяца.

– Если платье пышное, то не страшно, – весело отвечаю я, и мы вместе смеемся.

С искренней благодарностью принимаю угощение и сажусь за стол, настраиваясь на приятную беседу, но неожиданный звонок мобильного заставляет отвлечься. Смотрю на имя, высветившееся на дисплее старенького телефона, когда-то принадлежавшего Леше, и бросаю извинительный взгляд на Оксану. Она добродушно отмахивается и скрывается из виду, по всей видимости, возвращаясь к чтению журнала.

– Привет, Маш, – отвечаю я на звонок.

– Приве-е-ет, – радостно тянет подруга.

Тихо вздыхаю, качая головой. Меня не удивляет ее настроение, последние дней десять оно ни разу не было ниже отметки – жизнь в кайф. Есть ощущение, что мозг Маши превратился в зефирку. Голос, манеры... все изменилось. И причина только одна – Машка влюблена. Отламываю кусочек круассана и опускаю его в стакан с чаем:

– Ну выкладывай.

– Ален, он потрясающий. Знаешь, что он мне написал? Знаешь?!

– Думала, ты звонишь, чтобы рассказать об этом, а не играть со мной в угадайку, – по-доброму подшучиваю я.

– Ты бы все равно ни за что не догадалась! – хихикает Маша. – Он написал, что искал меня всю жизнь, что ни одна девушка не откликнулась его сердцу так, как я. Представляешь?! Можешь себе это представить?! Это же катит за признание в любви! Верно?!

Обжигаю пальцы, роняя размякший кусочек на дно стаканчика, и с трудом подбираю слова:

– Маш, все это очень классно, но тебе не кажется, что... ты немного перегибаешь?

– Где? – удивленно спрашивает она.

– Вы ведь даже не виделись. Познакомились в Интернете...

– Так-так, – предупреждающе произносит Маша. – Твоих пессимистичных наставлений я точно слышать не хочу. Любовь приходит откуда угодно, и я уверена, это она. Кто еще прислал мне стихи? Кто писал каждый день первым?! Вот именно! Никто! А он... Он другой, понимаешь?

Я уже заранее проиграла эту битву. Маша влюбчивая девушка, иногда даже чересчур. За последний год фразу «он другой» я слышала от нее раза три точно, но позже выяснялось, что парни были совершенно обыкновенными. Одно хорошо, страдает Машка ровно столько, сколько дней ей потребовалось, чтобы влюбиться. А значит, и в этот раз, если ее интернет-идеал окажется говном с глазками, а не пирожным, печаль будет длиться всего пару недель. Не так уж и страшно.

– Отдышись, дорогая. Спорить не стану. Другой так другой, – привычно сдаюсь я.

– Д-а-а... – мечтательно вздыхает она. – Жаль только, что он сейчас не в городе. Но мы уже детально продумали нашу первую встречу. И первую ночь тоже.

На этот раз давлюсь чаем. Кажется, лучше отложить обед до окончания разговора, иначе я не попаду на пару из-за вставшей поперек горла черствой булки.

– Маш, надеюсь, ты не... Пожалуйста, скажи, что это была всего лишь переписка.

– И не только, – заявляет Маша как ни в чем не бывало. – Ох, Ален! Он такой нежный. Засыпал меня комплиментами, я за всю жизнь столько не слышала. Ты не поверишь, но мне кажется, это будет самый крутой секс в моей жизни.

– А мне обязательно об этом знать?

– Конечно! С кем еще мне поделиться? Не с Лолкой же! Она все маме расскажет, и тогда я тоже стану сиротой.

Повисает неловкая пауза. Маша слишком поздно понимает, что именно ляпнула.

– Извини, – говорит она приглушенно.

– Проехали, – как можно беспечней отвечаю я. – Слушай, мне уже пора бежать. Перерыв скоро закончится.

– Конечно. Созвонимся вечером?

– Да. Хорошо.

– Целую, целую, – пропевает Маша и отключается.

Кладу телефон на стол и, не моргая, смотрю на поднимающийся над стаканчиком пар. Влюбленность, любовь... Я не знаю, что это такое. В школе вся эта романтическая эпопея обошла меня стороной. Мальчики не обращали особого внимания, да я этого и не хотела, как, собственно, и в колледже. Я невидимка, и меня это устраивает. По-честному, подобные чувства пугают. Все незнакомое кажется страшным. Меня ведь никто не любил. Разве что в раннем детстве, когда родители были еще живы, но я этого не помню. Зато с ненавистью мы лучшие друзья, и приятного в этом союзе мало. Именно поэтому мой выбор – безразличие. Оно хотя бы безопасно.

Закончив обед и пожелав Оксане хорошего дня, поднимаюсь на четвертый этаж второго учебного корпуса. Коридоры пусты, до начала занятий есть еще несколько минут. Нынешние студенты не отличаются пунктуальностью, к слову, преподаватели тоже. Медленно шагаю мимо закрытых дверей, погружившись так глубоко в мысли, что не сразу улавливаю тяжелые шаги за спиной и не успеваю ничего сделать, когда меня рывком втягивают в один из крошечных кабинетов.

Боль от удара о край стола пронзает бедро, но я не издаю ни звука. Робко разворачиваюсь, голубые глаза напротив устремленно сверкают. Хлопок двери, которую грубо пинают ногой, звенит в ушах и тонет в гнетущей тишине. Мнац, злорадно ухмыльнувшись, крепко стискивает мою талию и усаживает поверх столешницы преподавательского стола. Боюсь моргнуть, горло сжимает спазм. Мнац опускает ладони на мои колени, сжимает их и разводит в стороны, нагло влезая между ними.

– Так и будешь бездействовать? – вкрадчиво и мягко спрашивает он, приближаясь к моему лицу.

Отклоняюсь и завожу руки за спину, упираясь ладонями в прохладную шершавую поверхность столешницы. Не понимаю, чего он ждет. В голове одни вопросы, и их слишком много. Из ощутимых эмоций только желание исчезнуть и страх, тяжелый, как и мое дыхание.

– А может, тебе все это нравится, Алена? Ты мазохистка? Признайся, и тогда у меня не останется больше вопросов. Может быть, я даже дам тебе то, чего ты хочешь.

Слова Мнаца похожи на горячую пыль грязной мостовой в самом разгаре лета. Они впииваются в кожу крошечными снарядами и остаются там, отзываясь пульсирующей гниющей болью. Взмахиваю руками, собираясь отпихнуть Мнаца, но ладони тут же встречают преграду и попадают в плен. Мнац сжимает мои запястья, поднимает наши руки и заваливает меня на спину, нависая сверху.

– Отпусти, – в панике шепчу я.

– Шепот? Seriously? И это все, что ты можешь?

– Пожалуйста...

– Ты еще заплачь, – ухмыляется он и прижимается грудью к моей груди, придавливая к столу. – Очень плохо, Алена. Просто ужасно. Я уже начинаю думать, что ты и вовсе безнадежна.

– Что тебе от меня нужно?

– Не мне нужно, Алена. Тебе.

Тело не слушается. Я его почти не чувствую, будто бы организм отключает осязание, чтобы предотвратить истерику. Для меня это обычная защитная реакция, помогающая стерпеть все что угодно, но кое-что я все-таки ощущаю. Запах. Терпкий и резкий, оседающий в носу пощипывающей пряностью.

Мнац наклоняет голову и тянется губами к моему уху:

– Я же чувствую, как ты напряжена, как быстро бьется твое сердце. Твое тело говорит – борись. Почему ты его не слушаешь?

Едва ли могу понять смысл его слов из-за интонации, с которой он их произносит. Все, что делает Мнац, пугает, но то, *как* он со мной говорит... Ласково, словно упрощает непослушного ребенка. Словно действительно хочет помочь и сделать только лучше.

Чушь! Все это неправда! Всего лишь уловка, чтобы заставить меня расслабиться и принять условия его извращенной игры. Не сработает. Я вижу его насквозь. Злобный, неуравновешенный показушник, который решил, что в его руках весь мир.

– Слезь с меня! – грубо произношу я.

– Попробуй меня заставить, – отвечает Мнац, задевая губами кожу на моей щеке.

– Я буду кричать, – предупреждаю я, а голос предательски становится тише.

– Да ну? Правда?

Его лицо появляется напротив моего. Глаза в глаза. В очередной раз отступаю первой и отвожу взгляд, не сумев продержаться и пары секунд. Мнац отстраняется так же резко, как и произошло наше сближение. Отрываю спину от стола, но не решаюсь спуститься на пол и сделать хотя бы шаг к выходу, потому что мой кошмар стоит перед дверью, демонстративно сложив руки на груди. Дубль два. Я снова в ловушке. И снова проиграла.

Но я не соглашалась играть! Черт возьми, не соглашалась!

Внутри все вопит и беснуется, а снаружи только тихая паника и бездействие.

– Тренировки начнем сегодня вечером, – серьезно заявляет Мнац.

– Что за тренировки?

– Увидишь.

Его безапелляционность убивает, а шум в голове нарастает с каждой секундой. Наклоняюсь вперед и повышаю тон, напрягая онемевшие голосовые связки:

– Нет! Я сказала тебе «нет»! Что бы ты себе ни придумал, я отказываюсь!

– Не помню, чтобы спрашивал о твоем согласии, – с легкой издевкой отвечает он.

– Ты не можешь меня заставить!

– Только что я мог сделать с тобой все что угодно. Ты бы даже не пискнула, разве что простонала с моего разрешения. Это ведь нормально для тебя, быть тряпкой для окружающих. Все еще думаешь, что я не могу тебя заставить?

В моей жизни было много унижительных моментов, но этот... Хуже еще ничего не происходило.

– Я... я просто...

– Ты просто не хочешь проблем. Хочешь спрятаться, чтобы больше никто не нашел. Я догадался, – кивает Мнац. – Только проблемы будут, Алена. У тебя их уже целый батальон, и он методично тебя трахает. Приятно? Тебе нравится? Ловишь оргазмы от этого каждый день, да?

– Пошел ты! – срываюсь на истерический крик. – Да кто ты такой, чтобы говорить мне подобное?! Ты меня не знаешь! Ничего обо мне не знаешь!

– Надо же, все-таки кричать ты умеешь, – вкрадчиво говорит Мнац, которого мои потуги, похоже, только забавляют. – Я тебе тут не мир, дружбу и жвачку предлагаю, а кое-что куда более важное. Заканчивай цирк и слушай меня.

– Зачем ты это делаешь? – произношу я хрипло и зажмуриваюсь, чтобы хоть немного отгородиться. – Зачем?

– Потому что могу. Тебе пока неизвестно это чувство, но все поправимо. Для начала хватит закрывать глаза. Я не ночной кошмар, и мы не в сказке, это тебе не поможет.

Опускаю голову и смотрю на свои руки. Большой палец правой руки, который я сжимаю, уже стал фиолетово-синим.

– Смотри на меня! – сурово приказывает Мнац. – Мы ведь общаемся, это невежливо, – добродушно дополняет он.

Да что с ним не так? Что мне сделать, чтобы он отстал? Пара глубоких вдохов и выдохов ненадолго помогают успокоиться, и я медленно поднимаю подбородок, скользя взглядом по фигуре Мнаца, облаченной в темный спортивный костюм. Уверенная крепкая стойка, кисти рук расслаблены, как и плечи, а во взгляде превосходство. Мнац излучает пугающее бесстрашие, а его самодовольство лижет обжигающими языками пламени мою шею и щеки.

– Я отказываюсь, – цежу сквозь зубы. – Мне ничего от тебя не нужно, ясно? Оставь меня в покое.

Широкая и счастливая улыбка Мнаца становится последней каплей. Застываю, не в силах даже моргнуть. Чему он радуется? Что еще выкинет?

– Хороший ответ, Алена. Только неправильный. Увидимся вечером, – говорит он и выходит из кабинета.

Дверь закрывается, и я превращаюсь в желе. Роняю голову и прижимаю ладони к лицу, пытаюсь сдержать слезы. Уютная темнота окружает со всех сторон. Прислушиваюсь к дыханию и отчаянно взываю к благоразумию. Мнац блефует. Пытается запугать. Не понимаю, зачем ему все это? Неужели настолько скучно? Чертов псих! Почему именно я? Что я такого сделала?

Зоя входит в нашу комнату и останавливается посередине, глядя на меня и уперев руки в бока:

– Ты чего такая бледная? Уже залететь успела?

Глубоко вдыхаю, собираясь рассказать соседке о случившемся, но не могу решиться. Что-то мне подсказывает, нет никакого смысла жаловаться ей на Мнаца. Для Зои он король, я не раз слышала ее хвалебные оды этому недочеловеку. Если придется выбирать, она точно выберет не меня.

– Плохо себя чувствую, – отвечаю я и укутываю ноги одеялом, потому что Зоя уже тянет руку к окну, чтобы его открыть.

– Да? Жаль. Я хотела пригласить тебя прогуляться. Мы с девчонками идем на заброшку.

В свете последних событий я бы предпочла всю жизнь провести в этой комнате, чем еще хоть раз выйти наружу.

– Не сегодня, – скованно произношу я.

– Лады, – подводит итог Зоя, ни капли не расстроившись.

Она подходит к шкафу и принимается перебирать вещи, вытаскивая их и смятыми комками запихивая назад, а у меня все больше чешется язык. Хочется задать один опасный вопрос, который не дает покоя. Информация никогда не бывает лишней. Возможно, удастся аккуратно разведать обстановку, не притянув еще больше проблем.

– Зю, я помню правила, о которых ты говорила, но есть один момент...

– Настроение у меня хорошее, так что по роже бить не буду. Валяй! – весело отзывается она из глубины шкафа.

– Вы с девчонками говорили как-то о Мнаце и его бывших. Типа, он что-то с ними делает, промывает им мозги. Ты не знаешь, что?..

Зоя бросает джинсы на пол и резко разворачивается. Ее глаза широко распахнуты, губы сжаты в тонкую бледную полоску, даже огненные волосы торчат вверх агрессивнее, чем обычно.

– Беру свои слова назад, – сухо говорит она. – Эту тему больше не поднимаю, ясно?

– Да, – тихо отвечаю я. – Больше не буду.

Зоя отворачивается обратно к шкафу, поднимает руку и замирает, так и не дотронувшись до одежды. Шумный напряженный вздох прокатывается по комнате, а за ним глухой стук быстрых капель, доносящийся из открытого окна. Вдыхаю запах влажной пыли и жухлой зелени и понуро опускаю голову.

– Он хороший человек, – приглушенно произносит Зоя, и ее голос тонет в злобном грохоте далекого грома. – Это все, что ты должна знать.

Абсурд. Хороший человек не стал бы делать то, что делает Мнац. Как ему удалось так грамотно запудрить всем мозги? Неужели они не видят, кто он на самом деле? К горлу подкатывает поток грязных слов, но я знаю, что мне лучше помалкивать. Разговор окончен, Зоя больше ничего не расскажет. Остается только сидеть под одеялом и молиться, чтобы все угрозы «хорошего человека» остались только угрозами.

Бросаю взгляд на экран мобильного телефона – половина пятого. Вечер вот-вот наступит.

POV: Мнац

Отталкиваюсь ногами от пола, покачиваясь на крутящемся компьютерном кресле, и внимательно читаю сообщения. За окнами барабанит дождь, прохлада протискивается в комнату общежития через трещины в старых деревянных рамах.

– Поедем на заброшку? – напоминает о себе Крис, лежащая в моей постели.

– Ты поедешь, – отвечаю я и стучу пальцами по экрану, набирая текст.

– А ты?

– Давай подумаем вместе, – бросаю я недовольно, отрываясь от телефона. – Если я сказал, что ты поедешь одна, это значит, что я не поеду. Логично?

Крис обиженно дует губы, чем злит меня еще больше. Она торчит здесь уже третий час и старательно делает вид, что не понимает намеков.

– Ты в последнее время какой-то странный.

– Хочешь об этом поговорить?

– Да! – вскрикивает она, хлопая ладонями по матрасу.

– Я дам тебе номер хорошего психолога. Он выслушает.

Лицо Крис покрывается красными пятнами – верный признак бешенства. Ей хочется вскочить и устроить скандал, но она сама загнала себя в угол, решив в очередной раз доказать мне, что изменилась. И сейчас у меня нет времени на эти глупости, нужно успокоить ее и выпроводить.

– Крис, мы не сиамские близнецы. Хочешь быть со мной, не пытайся контролировать. Я этим говном не занимаюсь и тебе не позволю.

– Я и не пытаюсь тебя контролировать, я всего лишь интересуюсь твоей жизнью! Это так плохо?!

– Интересоваться жизнью – не значит лезть в мои дела.

– И что же за дела такие? – кривится она.

Бесполезно. Провожу ладонью по лицу и шее, желая стереть раздражение, и киваю на дверь:

– Тебе пора.

– Выгоняешь меня?! Опять?!

– Мне бы не пришлось этого делать, если бы ты сама знала, когда закрыть рот.

– Какой же ты... – Крис поджимает губы и качает головой.

Она вскакивает с постели и поднимает с пола юбку, натягивает ее на бедра и застегивает верхние пуговицы нервными движениями пальцев.

– А ведь я думала, что в этот раз все будет по-другому, – гневно рычит она.

– И я тоже, – отвечаю безэмоционально.

Реакция незамедлительна и разрушительна. Крис покачивается, как от удара, а на лице – серая скорбь. Ей все еще невыносимо от меня отрываться. Черт возьми, ну когда она уже дорастет до этого?!

Крис приближается мягкой поступью, кладет руки мне на плечи, заглядывая в глаза, и произносит с kloчочущим трепетом:

– Но это не меняет того факта, что я тебя люблю.

И не меняет того – что я ее нет.

– Позвони мне, когда закончишь с делами, – выдавливает Крис сквозь внутренний протест и шагает к выходу.

Разочарованно смотрю ей вслед. Она прошла уже все стадии, некоторые даже по несколько раз. Это больше не та слабачка, с которой я познакомился, но самое важное озарение еще не пришло. И я пока не могу понять, что нужно сделать, чтобы по-настоящему подтолкнуть ее к краю.

Дверь закрывается с тихим щелчком, телефон снова оживает. Пробегаю взглядом по экрану и встряхиваю головой, переключаясь на другой объект. Пора. Все уже готово.

Женское общежитие охраняет опасный моральный тяжеловес. Десятки парней летали по этим коридорам, подгоняемые шваброй, сжатой в сильных руках Агаты Павловны. Эта женщина может приструнить кого угодно, если захочет, немногие проходили с достоинством через ее границу. Провожу ладонью по макушке, стряхивая дождевые капли с волос, подхожу к окошку коменданта и наклоняюсь, чтобы заглянуть в небольшую каморку.

– Добрый вечер, – говорю я, приветливо улыбаясь.

Агата Павловна поднимает голову, желтый свет лампы озаряет ее морщинистое лицо. Тонкие брови нахмурены, губы сомкнуты. Самые лютые сцены в ужастиках менее страшные, чем взгляд этой женщины, но, разглядев меня, она тут же преобразается. Взгляд теплеет, брови возвращаются на место из хищного прищура.

– Здравствуй, Данечка. Давненько уже тебя не видела.

– Все не было времени заскочить, – с сожалением отвечаю я. – Как поживаете, Агата Павловна? Как здоровье?

– По-разному, – тяжело вздыхает она. – Иногда поясница ноет так, что выть хочется, а в целом все хорошо. Как твои дела? Как отец?

– Еще не вернулся, но я передам от вас привет, если хотите. Он будет рад. А еще узнаю, когда можно возобновить ваши процедуры.

– Ох, Данечка, – Агата Павловна польщенно прижимает руку к груди. – Спасибо тебе.

– Всегда пожалуйста. Нельзя, чтобы такой важный человек, как вы, жаловался на здоровье. Без вас здесь все рухнет.

Она по девичьи хихикает и кокетливо взмахивает рукой:

– Ну скажешь тоже!

– Это чистая правда, Агата Павловна. Кстати, я не просто так зашел. Мне нужно подругу поведать. Пропустите?

– Данька-Данька, ты из меня веревки вьешь, – причитает она, качая головой. – Но куда я денусь? Кому-кому, а тебе можно доверять. Проходи, конечно, только недолго.

– Ага, – радостно киваю я. – Спасибо.

Легким шагом направляюсь в глубь коридора и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Комнату нахожу быстро, но не спешу заходить, останавливаясь перед дверью. Даже интересно, как все пройдет? Сценария два, и к обоим я готов, а вот Алена вряд ли. Что ж делать, выбора у нее все равно нет. Будет или по-моему, или по-моему.

Поворачиваю ручку двери, которая поддается без особого труда, и вхожу в комнату, погруженную в полумрак. Точным движением нахожу выключатель на стене и бью по нему, зажигая потолочную лампу.

– Я, конечно, люблю, когда девушки встречают меня в постели, но сегодня рассчитывал не на это, – весело произношу я, опираясь спиной о стену.

Алена сидит в постели и, кажется, не может поверить своим глазам. Она часто-часто моргает и едва заметно мотает головой. Пытается меня развидеть? Нет, девочка, не выйдет. Я действительно здесь, и ты знала, что это случится. Не двигаюсь, позволяя Алене примириться

с реальностью. Пока нет необходимости пугать ее, эта стадия уже пройдена. Я увидел все, что нужно, даже немного больше. Дело за малым – объяснить, что я не враг.

– Как ты вошел? – наконец-то оживает Алена, комкая в руках пуховое одеяло.

Эта деталь от меня не ускользает. Значит, она растопила сердце Павловны? Интересно.

– Есть такие штуки, Алена, называются двери. Они позволяют людям проходить сквозь стены.

– Думаешь, это смешно? – хмурится она.

– Думаю, это логично.

– Тебе нравится считать всех людей вокруг идиотами?

– А тебе нравится причислять себя к ним?

Линия челюсти Алены заостряется, под скулой появляется бугорок. Злитесь на меня? Ой, как страшно.

– Что тебе нужно?

– Сейчас или вообще? – уточняю я, продолжая, на свой скромный взгляд, забавную дружескую беседу.

– Что тебе нужно от меня? – повторяет она с нажимом, но это все еще не убедительно.

– Я уже отвечал на этот вопрос, Алена. Мне не нравится подрабатывать попугайчиком. Повторяю в последний раз. Не мне нужно. Тебе.

– Кажется, тебе нравится подрабатывать психопатом. Я тоже уже ответила, что мне от тебя ничего не нужно.

Ауч! А вот это неплохо. Наконец-то она скинула со своей башки шлем глупости и начала реагировать не как сорванный цветок, а как кактус. Прогресс.

– Одевайся! – заявляю я тоном, не терпящим пререканий. – Нам пора.

Алена вздрагивает и сжимает одеяло в кулаках так, что белеют костяшки:

– Я с тобой никуда не пойду. А еще... подойдешь ближе, и я начну орать так, что на Марсе услышат.

Вот это да! Не могу нарадоваться! В голосе появилась твердость, даже взгляд ни разу не отвела, а ведь мы только начали.

– Алена, – на этот раз улыбаюсь ей почти искренне, – давай попробуем еще раз? Я. Хочу. Помочь.

– Я не понимаю такой помощи.

Завожу руку за голову и сжимаю ладонью шею. Не приходилось мне еще так все разжевывать с самого начала, обычно план куда короче, но если идти проверенным путем, она не вывезет. Я ведь не совсем псих и понимаю, кто передо мной и из чего сделан. Стекло. Трещин столько, что, если накалишь его до предела, рассыплется в пыль. Начнем постепенно увеличивать температуру, холода пока достаточно.

– А какую понимаешь? Думаешь, когда-нибудь все само собой рассосется? Прилетит супермен и остановит твоего дядю, когда тот снова возьмет в руки машинку для стрижки волос, или вразумит твоего брата, если тот опять поставит тебя на кон в карточной игре? Такой помощи ты ждешь? Волшебной? Я тебя разочарую, Алена, но так не бывает.

Она касается пальцами коротких волос на затылке и шепчет:

– Откуда ты?..

– Это ведь уже не в первый раз, верно? И это не самое страшное, что они делали.

– Откуда ты это знаешь? – с ужасом спрашивает Алена, вновь превращаясь в перепуганного ребенка.

Дерьмо! Перегнул.

– Алена, – мягко произношу я, чтобы ее успокоить, – если тебе станет легче, я могу извиниться за сегодняшнее. Мне нужно было увидеть, кто ты. Прости, ситуация получилась

действительно жестокой, но поверь, мои методы эффективны. Ты сама станешь супергероем и сама себя спасешь.

– Ты ненормальный.

– А хоронить себя в восемнадцать лет из-за уродов, которых нежно зовешь родственниками, нормально? Вся эта чушь, типа, подставь вторую щеку, не работает. Неужели ты еще не поняла?

Алена молчит, глядя в пустоту, а мне уже порядком надоедают уговоры. Дам ей еще пару минут, если не одумается, то перейдем к запасному варианту. Чтобы скоротать время, разглядываю объект, подмечая детали, на которые раньше не обращал внимания. Большие глаза, ярко выраженные скулы, тонкая шея и узкие плечи. Длинные волосы шли ей больше, но и короткая прическа выглядит неплохо. Нормальная девчонка, поправим осознанность и силу духа, и заживет себе припеваючи.

– Я жду твой положительный ответ, Алена.

Она приподнимает подбородок, во взгляде сталь, плечи неподвижны. Маскирует мандраж напряжением? Неплохо, но о дыхании забыла. Одеяло на ее груди скачет, будто изнутри по нему нещадно бьют молотком.

– Нет, – говорит она твердо.

Натянуто улыбаюсь и с пониманием киваю. Она правда надеется, что я вот так просто уйду? Какая наивность.

– Алена, раз уж нам придется проводить много времени вместе, то ты должна обо мне кое-что узнать... – выдерживаю паузу для драматичности момента. – Я Овен по знаку зодиака.

Бросаю на ее кровать свой телефон с заранее открытой перепиской. Алена опасливо косится на него, не двигаясь с места.

– Посмотри, а потом подумай еще. Не бойся, он не взрывается. По крайней мере, не должен.

Она медленно берет в руки мобильник. Раз, два... Три! Ее лицо бледнеет, губы раскрываются в крохотное «о».

– Так это ты? – задыхается Алена. – Но... как? Зачем?

– Если хочешь сохранить репутацию подруги, соглашайся.

– Это... это шантаж...

– Да, я знаю, как это называется. Рад, что и ты тоже.

– Ты больной!

– Слова-слова, Алена. Они ничего не меняют. Я слышал вещи и похуже в свой адрес.

– Ты предлагаешь мне какую-то помощь, а сам делаешь такое? – Она тычет мне экран телефона, на котором светится горячая фотка ее подруги. – И я должна поверить тебе и согласиться?

– Я пока еще ничего не сделал, всего лишь подстраховался. Но если ты меня вынудишь, сделаю. Простое правило жизни – либо ты, либо тебя.

Алена выбирается из кровати, откидывая одеяло в сторону. Чувство очередной победы подогревает кровь. В целом это было не так уж и трудно. Уже готовлюсь отдать очередной приказ, но удивление парализует. Алена вышвыривает мой телефон в открытое окно, а свой подносит к губам:

– Маш, срочно удали все свои фотки из переписки с твоим чудо-парнем. Он псих, который сливает их в Сеть!

Нижняя челюсть невольно ползет вниз, но я быстро беру себя в руки, наблюдая за ситуацией.

– Как тебе мой ответ? – спрашивает Алена, воинственно глядя на меня исподлобья. – Такой самонадеянный умник вряд ли сохранил фотки где-то еще. Ты ведь ни разу не проиг-

рывал, верно? Но твоя самоуверенность ослепляет даже тебя. Так вот, Мнац, – мое прозвище слетает с ее губ, точно дротик с ядом, – в сотый раз повторяю... Мне не нужна твоя помощь!

Глава 5

POV: Алена

Готовлюсь к худшему. Даже к тому, что полечу из окна вслед за телефоном Мнаца, но ничуть не жалею о содеянном. Использовать Машу? Такой подлости я не ожидала, даже от него. Мое тяжелое дыхание замедляется, вспышка силы потихоньку угасает. Мнац не двигается с места и ничего не произносит, по всей видимости, переваривая мою выходку. Жду продолжения борьбы, как вдруг удивление на его лице сменяется... Радостью? Что?!

Сверкают белые зубы, на гладких щеках появляются неглубокие ямочки. Мнац запрокидывает голову и громко смеется. Низкий веселый смех заполняет крохотное пространство комнаты и заставляет поверить в невозможное. Неужели ему действительно понравилось то, что он увидел? Бред. Снова чувствую себя идиоткой.

Вдоволь насмеявшись и спалив пару десятков моих нервных клеток, Мнац опускает подбородок и смотрит так, будто видит впервые. Если раньше этот взгляд чуть ли не резал кожу, то теперь кажется, что меня обнимает родной и близкий человек. С теплом и непонятно откуда взявшейся гордостью.

– Это было круто. К такому я не был готов. Молодец, Алена.

Он хвалит меня за то, что я выбросила его телефон в окно? Ну точно больной!

Мнац шагает вперед, и я отшатываюсь в сторону, освобождая ему дорогу. Он открывает окно шире и с интересом выглядывает во двор:

– Далеко улетел?

– Не знаю... – тихо отвечаю я.

– Хороший бросок, – говорит он, разворачиваясь, и опирается одной рукой о подоконник. – Ты меня уделала. Вот это сюрприз. Я думал, что уже все разгадал, но на самом деле... – Он разочарованно вздыхает, и озорная улыбка исчезает с его лица.

Так и знала. Все это его забавляет, но не останавливает. Молчание Мнаца вновь вызывает панику. Ему нужно запретить думать на законодательном уровне, потому что после таких пауз обычно следуют выводы, раскалывающие меня на части.

– Ты так рвешь жопу за других, – монотонно произносит он, голос сквозит то ли огорчением, то ли сожалением. – Тогда вступилась за брата, теперь – за подругу. А ты, Алена? Как же ты? Почему не защищаешь с такой уверенностью себя? В чем причина этой ненависти и безразличия? Я считал, что ты не можешь себе помочь, но это не так. Ты не хочешь.

Прижимаю подбородок к груди, его слова слишком тяжелые. Они давят на затылок и плечи, так и норовя поставить на колени. Слышу шаги Мнаца, чувствую поток воздуха, что ударяется о мое дрожащее тело. Теплая ладонь ложится на плечо, обрывая дыхание.

– Чего ты пытаешься добиться этим, Алена? Ждешь медаль, как самый порядочный человек на этой планете? Почему ставишь других выше себя?

Открываю рот, пересохшие губы с трудом отлипают друг от друга. Не знаю, как ему объяснить. Тот, кого любят столько людей и кто постоянно окружен вниманием, не поймет, каково это... когда тебя не любит никто.

– Пожалуйста, уйди. Я верну деньги за сломанный телефон. Не знаю когда, но попытаюсь как можно скорее.

– Я ничего не говорил о деньгах, и мне плевать на этот чертов телефон.

– Тогда просто оставь меня в покое.

Он отступает, и я поднимаю на него взгляд, мысленно умоляя сделать то, что прошу. Эмоции легко читаются на его лице, он даже не пытается их скрыть. Презрение в искривленных губах, злость в напряженной челюсти и холодная ненависть во взгляде.

– Я тебя слышал, Алена. Надеюсь, и ты сможешь меня слышать. Ничего не изменится, пока ты не поменяешь себя. У кого-то уже нет такой возможности, а у тебя есть, но... ты просираешь свою жизнь, вместо того, чтобы жить.

Отворачиваюсь и обнимаю себя за плечи, не желая принимать его наставления. Я знаю, что делаю, и верю, что когда-нибудь это должно сработать.

– Мне жаль, – непонятно зачем произносит Мнац, но фраза разливается обжигающей болью по сердцу.

Он гасит за собой свет и закрывает дверь. Сгибаю окаменелые ноги, присаживаясь на кровать. Интуиция подсказывает, что на этот раз я все-таки победила, но не потому, что сильнее его. Он мне позволил. Скорее всего, решил, что игра больше не принесет ему удовольствия. Но это выход. Все закончилось.

В руке вибрирует телефон. Маша проснулась. Теперь нужно придумать, как доходчиво объяснить подруге, на кого она навалась, не рассказывая всей правды. Мнац предупреждал, что о нем лучше не болтать лишнего. Думаю, будет разумно придерживаться этой позиции и дальше.

POV: Мнац

Мелкие капли дождя приятно охлаждают кожу, вечерняя тишина дарит простор для мыслей. Поверить не могу, что увидел именно это. Снова! Черт возьми, опять эта наитупейшая и бесполезная черта характера – жить ради других, для их комфорта и безопасности. Теперь понятно, почему с Аленой все изначально пошло наперекосяк.

Это провал. Полнейший и оглушительный.

Вытаскиваю из лужи телефон, экран вдребезги. Далеко Алена его зашвырнула. На это сил хватило, а на помощь себе нет? Даже смешно. Поднимаю взгляд на окна женского общежития. Стремно признавать, но это не моя игра. Я не могу ей помочь. Поведение Алены – не слабость, а выбор. Ее выбор.

Возвращаюсь в свою комнату и стягиваю через голову вымокший лонгслив. Разбитый телефон раздражает, и я рывком открываю ящик письменного стола. Шарю рукой в ворохе проводов и стараюсь разглядеть содержимое в тусклом свете уличного фонаря, что заглядывает в окно. Достая мобилу, которую выиграл в покер не так давно, вставляю сим-карту и подключаю зарядное устройство. Падаю поперек кровати, оставив ноги на холодном полу, и массирую пальцами глаза, в которых скопилось слишком много напряжения. Да, конкретно я облажался, но других вариантов не вижу. Пока не вижу.

Желания людей зачастую довольно примитивны: деньги, слава, свобода, любовь, самореализация. Простые, казалось бы, истины: не останавливайся и все получится. Но есть вещи, которые не поддаются контролю, как бы сильно ты ни старался. Когда ты неистово чего-то желаешь и все твои действия сводятся к тому, что ты пытаешься пробежать стометровку по воде и не утонуть, это выводит из строя. Невозможно! Как же я ненавижу это слово! Оно убивает лучше, чем нож или пистолет. Медленно и мучительно. И не только тебя, но и людей, которым ты дорог.

Ненавижу!

И эта ненависть – моя верная спутница вот уже три года.

Ровно в восемь вечера звонит телефон. Номер не определен, но это и не обязательно. Только один человек звонит мне точно по часам.

- Алло, – принимаю вызов.
- Привет, сын.
- Привет. – Сухость в горле мешает говорить, и я жду слов от отца, но он молчит. Догадываюсь, что это значит. Хороших новостей нет.
- Какие прогнозы? – спрашиваю я, опуская ладонь на лицо.
- Мы можем продлить срок, но не... – Окончание фразы тонет в его горестном вздохе.
- Как долго?
- Год, в лучшем случае два.
- Когда мы ее повезем?
- Когда она согласится. Дань...
- Я знаю, – отвечаю, с трудом сохраняя спокойствие. – Я попытаюсь.
- Хорошо, – обреченно произносит отец. – Как у тебя дела? Как в колледже?
- Это имеет хоть какое-то значение?
- Конечно, имеет, – строго заявляет он. – Учеба – это важно.

В нос бьет едкий запах гари, вызванный воспоминаниями. Так же, как и в ту ночь, отчетливо ощущаю адский жар, что жжет нос и забивает легкие. Тело каменеет, ярость выходит из спячки. Нет ничего важнее жизни.

- Когда ты возвращаешься? – выплевываю я резко.
- Через пару месяцев.
- К этому времени я ее уговорю.
- Поторопись...
- Знаю! – перебиваю я, потому что не хочу снова слышать об этом кошмаре и о том, к чему все идет. – Пока.

Поспешно кладу трубку и давлю пальцами на закрытые веки.

Лучше бы это был я.

Не могу заснуть. Сигареты и дождь за окном составляют мне компанию. Мысленно то и дело возвращаюсь в прошлое, сегодняшняя стычка с Аленой подсыпает пороха в самодельную бомбу. Какого черта люди так стремятся убить себя поскорее тупыми правилами и принципами? Я не могу этого понять. Пристрелите меня! Не могу!

Будь хорошим для всех! *Терпи!* Никого не обижай, но если обижают тебя... *Терпи!* Помоги другому, но не проси о помощи... *Терпи!* Будь честным, но готовься к обману... *Терпи!* Проявляй понимание, но никто не обязан понимать тебя... *Терпи!*

Мир гребаных терпил, на которых ездят все остальные!

Распаляюсь до критической отметки. Прилив норадреналина заставляет вскочить с кровати и ударить кулаком в стену. Самое приятное в такие моменты то, что боль почти не ощущается. Она приходит потом, но это уже детали. Взгляд мечется по комнате в поисках того, что можно расколотить. Приходится схватить гнев за горло и душить, пока еще не до конца потерял контроль.

Нужно сменить фокус. Доза другого гормона подойдет идеально. Дофамин получить проще всего, хоть он один из самых опасных и обманчивых гормонов, даже несмотря на то, что вроде как вызывает лишь положительные чувства.

Существует понятие «дофаминового обмана», на котором базируется одна из современных теорий возникновения шизофрении. Дело в том, что этот гормон вырабатывается в организме еще в процессе приближения приятного события. То есть человек наслаждается предвкушением. И если приятным событием является выпивка или наркотики, то после определенного количества повторов слезть с этой иглы удовольствия будет трудно. Ведь одни мысли уже вводят в ощущение эйфории. Именно поэтому я держусь подальше от подобных соблаз-

нов или тщательно контролирую их количество, а вот секс... На мой взгляд, замечательная альтернатива и безвредная разгрузка. Главное – правильный партнер и качественная защита.

Незнающие люди скажут, что все это бред. Секс без чувств не имеет смысла. Алло! Народ! Секс – и есть чувства. То, что тебя физически кто-то привлекает – уже чувства. Да, не долгоиграющие, но разве это важно? На самом деле это уже давно выявлено и прописано. Человек ищет удовольствие в моменты стресса, и у каждого оно свое.

Хватаю телефон и, благодаря хорошей памяти, набираю нужный набор цифр. Ждать ответа долго не приходится.

- Привет, – отвечает звонкий женский голос.
- Привет. Встретимся у меня?
- Что-то случилось?
- Да.
- Я сейчас на заброшке. Буду минут через двадцать. Привезти что-нибудь?
- Себя мне привези.
- Хорошо.
- Жду.

POV: Алена

К концу недели понемногу возвращаюсь в обычное состояние. Можно даже сказать, радуюсь каждому дню, а если точнее, тому, что меня больше никто не трогает и не пытается втянуть в сомнительные игры, называя их помощью.

Последняя пара в пятницу заканчивается в половине третьего. Шагаю по залитой ярким осенним солнцем спортивной площадке и прикидываю в мыслях план на выходные. Заняться учебой, возможно, выбраться на встречу с Машей. Она, как я и думала, довольно быстро отошла от выверта Мнаца и уже общается с новым ухажером под лозунгом: «Запретные фотки только после свадьбы». Телефонный звонок застает меня на подходе к зданию общежития. Думаю, что это Маша, и вынимаю из сумки мобильник, но радость испаряется, осыпая лицо колючими холодными брызгами, когда я вижу имя на дисплее. Отвечаю на звонок и прижимаю телефон к уху:

- Здравствуйте, дядя Слава.
- Сегодня приезжает бабушка. Чтобы через час была дома!
- Хорошо. Но у меня...

Дядя кладет трубку, так и не дослушав. Тяжелый вздох слетает с губ, солнце уже не кажется таким ярким. Денег на проезд нет, а пешком я и за два часа не доберусь. Но разве есть выбор?

- Бегом поднимаюсь в комнату и хлопаю дверью так, что Зоя подскакивает в постели.
- Ты нормальная?! Кто за тобой гонится?! Я вообще-то тут к тусовке готовлюсь!
- Извини, – стыдливо произношу я и распаиваю шкаф.

Со скоростью кометы переодеваюсь в треники и толстовку, а джинсы и водолазку запихиваю в небольшой рюкзак. Одежда есть. Что еще мне нужно? Зубная щетка, учебники. Ношусь по комнате, уговаривая мозг соображать быстрее.

- Эй, шальная! – зовет Зоя. – Куда это ты собралась? Сбегаешь?
- Конечно, нет. Просто бабуля приезжает...
- И везет сокровища со времен царя Гороха? Чего ты так скачешь?
- Оборачиваюсь, стоя на кровати, так и замерев с книгой в руке:
- Мне нужно в «Черемушки», а идти туда часа три.
- Пешком?
- Ну-у-у... – растерянно тяну я. – Да.

– Тю, идиотка. – Зоя закатывает глаза и достает из-под подушки телефон. – Ша все будет! Спрыгиваю с постели, с трудом закрывая забитый до отказа рюкзак, и слушаю разговор Зои по телефону.

– Привет, Женек. Нужна одна услуга... Ну, естественно, не просто так! Да соседку мою до дома отвезти. Красивая? – Она смотрит на меня и строит смешную рожицу. – Красивая, но не для тебя. Просто отвезти. Сделаешь? Спасибо. Через десять минут у главного входа. Ага. Да поняла я, подстригу!

Зоя сбрасывает звонок и выжидающе смотрит на меня, приподняв брови.

– Спасибо, – выдыхаю я с облегчением.

– Пожалуйста. Только это... осторожней с ним, ладно? Женя вообще нормальный пацан, но бабник тот еще. Поэтому, если начнет яйца подкатывать, сразу бей. Ну, в том смысле, что не ведись и отшивай.

– Поняла, – послушно киваю я.

– Тогда дуй, Золушка. Синяя «девятка» сегодня твоя карета.

– Спасибо! – повторяю я еще раз и бегу к двери.

– Бабуле привет!

Отыскать рычащее синее нечто оказывается несложно. Уверенно направляюсь напрямиком к автомобилю, что припаркован недалеко от пропускного пункта, но вдруг сбиваюсь с шага под гнетом негативной энергии, летящей в меня градом призрачных камней. Чуть поодаль синей «девятки» стоит черный джип, а рядом его хозяин. И так каждый раз, когда мы с Мнацем попадаем в поле зрения друг друга, но есть и плюсы. Больше он ко мне не подходит. Хочет ненавидеть? Пожалуйста! Если эта пассивная ненависть касается только меня, то я готова ее терпеть.

Из открытого окна «девятки» мне машет светловолосый конопатый паренек:

– Привет! Ты подруга Зю?!

– Привет. Да, я ее соседка.

– Узнал тебя по прическе, – задорно улыбается он, дернув носом. – Если живешь с этой подстригальщицей, долго с длинными волосами не проходишь. Запрыгивай! Довезу с ветерком!

Немного смущаясь, возвращаю ему улыбку и сажусь на переднее сиденье. Тяну дверь на себя, но она никак не хочет закрываться.

– Сильнее хлопай, а то выпадешь по дороге. Не волнуйся, эта тачка все выдержит, – весело лопочет Женя.

Повторяю попытку, прикладывая больше силы. Металлическая дверь оглушающе хлопает, стекла дрожат.

– Во-о-о! Молодец! – Женя показывает мне большой палец.

Его неприкрытое дружелюбие позволяет немного расслабиться, но ремень безопасности на всякий случай пристегиваю. Мало ли что.

– Ну что? Куда едем? – спрашивает Женя.

Называю адрес, мотор внушительно ревет, но машина не успевает сдвинуться с места, потому что в окно со стороны водителя заглядывает Мнац и просовывает руку в салон. Инстинктивно вжимаюсь в спинку сиденья, настроение тут же меняет полюс, смешиваясь со свежим ветром, несущим осеннюю горечь и печаль.

– Здорово, Жека!

– Здравствуйте, ваше величество, – отвечает Женя и пожимает предложенную ладонь.

– В лоб хочешь? – с доброй насмешкой спрашивает Мнац.

– Никак нет!

– Тогда не пори чушь.

Парни перекидываются еще парой общих фраз и снова смеются. Удивлению нет предела. Почему все вокруг относятся к Мнацу так хорошо? Студенты, преподаватели, все его любят. Ах да, конечно! С ними он ведет себя как славный малый, а не как бешеный черт с вывернутым наизнанку мозгом. Чем же я заслужила его особое отношение?

– У тебя новая подружка, Жек? – с интересом спрашивает Мнац, и мое лицо мгновенно вспыхивает.

– Может быть. Мы только познакомились. Кстати... – Женя поворачивается ко мне. – Как тебя хоть зовут?

– Алена, – произношу тише, чем хотелось бы.

– Я Женя, а это... – Он стучит пальцами по рулю, изображая барабанную дробь. – Это великий и могучий Даниил Магнецкий! Прошу любить и не жаловаться!

– Можно просто Мнац, – поправляет великий и могучий. – Приятно познакомиться, Алена.

Не могу ответить тем же, но все же выдавливаю:

– Взаимно.

– Ты выбрала себе отличную компанию, Алена. Ну, удачи вам, ребята.

– Спасибо, – кивает Женя и опускает руку на рычаг коробки передач.

Мнац отходит от машины, позволяя нам наконец-то отъехать. Чем дальше я от этого местного короля, тем легче становится дышать. Даниил, значит? Нет уж, Мнац подходит ему больше.

– Почему я тебя раньше не видел? – спрашивает Женя, заглушая мои мысли. – Такую хорошенькую девушку я просто не мог пропустить.

Так, что там Зоя говорила? Душить заигрывания в зародыше? Так и поступим. После парочки сухих ответов Женя понимает, что я не любительница флирта, поэтому оставшуюся часть пути мы болтаем об учебе и предстоящей сессии. В скором времени синяя «девятка» останавливается напротив моего дома. Поспешно выбираюсь из машины, бормоча слова благодарности, и изо всех сил захлопываю дверь.

– Не за что, Аленка! Обращайся! – бросает на прощание Женя и под дикий рев мотора уносится прочь.

Глубоко вдыхаю и шагаю к крыльцу, молясь про себя, чтобы мне не так уж сильно влетело за опоздание. Открываю дверь, нос чувствует аппетитный аромат домашней еды: печеное тесто, жареный лук и мясо с травами. Это может значить только одно – бабуля привезла фирменный мясной пирог и уже поставила его в духовку. Бросаю рюкзак возле двери и делаю несколько шагов в глубь дома.

– Аленушка, а мы тебя уже заждались! – вскрикивает тетя Рита, выходя в коридор.

Ее русые волосы с серебряными нитями седины собраны в аккуратный пучок, губы и ресницы накрашены. Белое длинное платье оттеняет бледность ее кожи и подчеркивает хрупкость фигуры.

– Здравствуй, милая, – ее голос по матерински нежный, но глаза не лгут. В них холодный металл непробиваемой стены с налетом пренебрежения и нетерпимости.

Я прекрасно знаю, что это всего лишь спектакль для самого старшего и весомого члена нашей семьи, но обожаю эти моменты и жадно смакую их сладость, стараясь забыть о правде жизни.

– Здравствуйте, тетя Рита. Простите. Я торопилась, как могла.

Тетя раскидывает руки для объятий, и я бросаюсь в них, точно в омут забвения. Прожить вечер своей мечты. Разве это не счастье?

– Ничего. Проходи скорее, – говорит тетя и подталкивает меня ко входу в гостиную, обнимая за плечи.

Пропускаю мимо ушей ее тихое замечание по поводу моего внешнего вида, потому что вижу родные глаза и любимую сердцем улыбку. Бабушка Надя не без труда поднимается из кресла, протягивая ко мне трепещущие от нежности руки:

– Внученька...

Не сдерживая порыва, подбегаю к ней, чтобы обнять. Зажмуриваюсь и вдыхаю знакомый до слез пудровый аромат ее духов. Крепко прижимаю к себе полную старушку и оставляю поцелуй на ее мягкой щеке.

– Привет, бабуль, – говорю я, нехотя отстраняясь.

– Привет-привет... – отвечает она, сжимая мои ладони. – Алена! Что с волосами?! Что за ужас?! Где твоя коса?!

Усилием воли заставляю себя не смотреть на дядю и произношу беззаботно:

– Так сейчас модно. Ты не переживай, это ведь всего лишь волосы.

– Понятно, что не зубы! И все равно! – не унимается бабушка. – Как ты себе мальчика-то найдешь?!

По телу бегут неприятные мурашки от взглядов дяди и тети, но я не разрешаю себе на них реагировать. Пока бабушка здесь, мы играем в семью. И это моя любимая игра.

– Брось, мам! – говорит дядя Слава. – Какие мальчики? Ей об учебе думать нужно!

– Не мамкай мне тут! – строго отрезает бабушка. – Учеба – это одно, а счастье молодости – другое. Себя с Сашкой вспомни. Сколько моих нервов вы угробили? И скажи мне сейчас, что это было не лучшее время в твоей жизни.

Упоминание о моем отце дядя Слава принимает, как пулю промеж глаз. Эту тему в нашем доме может поднимать только бабушка на правах матери, все остальные не смеют даже заикнуться о моих родителях, потому что обычно это заканчивается припадком. Дядя так и не смог принять и пережить смерть брата. А то, что он был еще и моим отцом, его не волнует.

– А давайте-ка садиться за стол, – по-хозяйски предлагает тетя Рита. – Пирог уже, наверное, готов.

– А давайте, – соглашается бабушка. – Лешка-то где? Зовите этого оболтуса!

Бабушка с тетей уходят на кухню. Шагаю следом, но дядя Слава останавливает меня у двери, схватив за руку:

– Рот свой не открывай. Поняла? Мы ей сказали, что на Лешку хулиганы напали. Не хватало нам, чтобы ты еще раз бабушку довела своими выходками.

– Я не...

– Рот, я сказал, закрой!

С трудом сглатываю и смиренно опускаю голову. Дядя толкает меня в плечо, и я делаю шаг, изображаю улыбку на лице.

Когда мне было двенадцать, я убежала к бабушке после первой серьезной и осознанной ссоры с дядей. Я рассказала ей обо всем. Как со мной обращаются, как относятся. Всю ночь я лежала у нее на коленях и тихо плакала, искренне веря в то, что она меня защитит. Я была ребенком и даже не представляла, какие последствия могут быть у моего поступка.

На следующий день бабушка примчалась к сыну разбираться, но все закончилось тем, что уехала она на машине «Скорой помощи», заработав инсульт. Так я снова оказалась здесь, запертая в комнате наверху, вся в ссадинах и синяках. Когда бабушку выписали и сошли следы моего наказания, пришлось сказать, что я все это выдумала. Мне было слишком страшно потерять единственного человека, который хоть немного, но заботится обо мне, ведь дядя и тетя очень доходчиво объяснили, как хрупка жизнь пожилого человека. С тех пор главной радостью были ее редкие визиты, потому что только в эти дни я могла представить, что жизнь на самом деле не так ужасна. Что у меня есть семья и я ее неотъемлемая часть.

С удовольствием слушаю рассказы бабушки за ужином и с большим аппетитом уплетаю все, что попадает под руку. Мясной пирог, салат из свежих овощей, ароматная картошка с салом. Как же давно я не ела чего-то настолько вкусного.

– Кушай-кушай, Аленушка, а то совсем отошала, – приговаривает бабушка. – Рита, чего же ты не следишь за ребенком?

– Она уже не ребенок, – кисло отвечает тетя. – Сама отказывается.

– Да? А сейчас вот мечет за обе щеки.

Понимаю, к чему все идет, и опускаю вилку на салфетку, прижатую к столу краем тарелки. Не создавать конфликтных и спорных ситуаций – правило этого дома номер тысяча один.

– Я на диете сидела, – отзываюсь я, подражая Машкиной манере разговора. – Фигура – это важно.

– Конечно, важно, только где фигура-то? И подержаться не за что, – цокает языком бабушка. – Лешка! А ты чего не ешь? Невкусно?

– Жевать тяжело, – бубнит брат, стреляя в меня озлобленным взглядом.

– А нечего шалаться непонятно где. Будешь знать в следующий раз. Твой отец с братом тоже все время побитые приходили, но ни разу не скулили, как ты. Будь мужиком!

И снова внимание родственников сходится на мне, ведь, по их мнению, во всем виновата именно я. Только это неправда! Твердо решаю обсудить этот вопрос позже. Лешка здесь, пусть скажет родителям, что я ни при чем. Брат понуро опускает нос, залепленный хирургическим пластырем, и с усердием давит вилкой ломтики запеченной картошки, а я с грустью смотрю на последний кусок мясного пирога.

Когда тарелки пустеют, взрослые с чаем перемещаются в гостиную, оставляя меня наедине с Лешей и указанием вымыть посуду.

– Что сидишь? Мой! – командует брат.

Безропотно поднимаюсь из-за стола и принимаюсь за дело, пока Леша пялится в телефон.

– Как ты? – спрашиваю я, опуская стопку тарелок в раковину, и включаю горячую воду.

– Как я? Зашибись! Разве не видно? Хочешь так же? Давай я и тебе нос сломаю!

Скользкая керамика не хочет задерживаться в руках, но я успеваю поймать тарелку, не дав ей разбиться.

– Леша, – вздыхаю я, – мне жаль, что так вышло. Я пыталась его остановить.

– Фигово пыталась!

– Ты так говоришь, словно это из-за меня...

Леша бьет кулаком по столу, ножки стула скользят по плитке с бурчащим скрежетом.

– Это и есть из-за тебя! – Яростное дыхание брата обжигает затылок. – Ты проиграла ту партию! Ты и должна была отвечать!

Сжимаю тарелку так сильно, что она едва ли не трескается в моих руках. Не могу поверить, что он говорит это мне. Да если бы не я... он ведь сам меня заставил... он...

– Скажи родителям, как все было на самом деле, – решительно произношу я.

– Че-е-е? – тянет Леша недоуменно. – Тебе батя вместе с волосами и мозги выбрил? Ты где дерзости нахваталась? В новом колледже? Да тебя там затаскают, как шваль! Как тебе Мнац, а? Ты его потом отблагодарила за то, что он меня отделал?

Кровь ударяет в голову. Каждое слово брата взрывается во мне снарядами с кислотой. Я же его защитила! Отвезла в больницу, нажила кучу неприятностей, а он... Ему плевать. Он не считает меня сестрой, даже за человека не принимает. Сколько еще я буду себя обманывать и верить в то, что когда-нибудь это изменится?

Тарелка дрожит в руках. Кажется, я могу раскрошить ее одним нажатием или одним резким движением подправить Лешке лицо еще немного. И почему-то второй вариант принимается с большим воодушевлением, но здравомыслие все еще при мне.

– Почему ты ко мне так относишься?

– А как я должен к тебе относиться? – едко произносит Леша. – Тебя нам подкинули, но никто не спросил, хотим ли мы этого. От тебя одни только проблемы.

Ложь. От меня никогда не было проблем.

– Леша! Алена! Проводите бабушку! – кричит тетя Рита.

– Пошли, – бросает Леша. – Потом закончишь.

Выходим с братом в коридор и по очереди обнимаем бабушку Надю. Я последняя, поэтому позволяю себе задержаться в кольце ее нежных рук, чтобы впитать в себя как можно больше человеческого тепла.

– Жаль, что ты уже уезжаешь, – говорю я, с трудом сдерживая слезы, причин для которых слишком много, чтобы выделить только одну.

– Да я что-то нехорошо себя чувствую, – отвечает бабушка и отступает назад, касаясь холодными пальцами моей щеки. – Как ты похожа на отца с этой прической, – печально смеется она, и на ее светлых глазах появляется влажная пелена.

– Спасибо... – шепчу я, горько улыбаясь, и отхожу в сторону.

– Ну пока, семейство! Ведите себя хорошо! – дает последний наказ бабушка и выходит из дома.

Никто не двигается с места. С улицы доносится хлопок металлической двери и звучит двигатель машины.

Три...

Два...

Один.

Меня буквально прижимает к стене волной враждебности. Дядя, тетя и брат смотрят, как настоящие волки. Вот где они живут. И я всегда была среди них, но не с ними.

– Что ты с собой сотворила? – с омерзением морщится дядя. – Кто разрешил тебе покрасить волосы? Не поняла, что это было наказание?!

Смотрю на Лешу, умоляя его сказать правду. Что я не виновата. Что меня не за что наказывать. Что я помогала ему! Но брат с безразличием отводит взгляд.

– Знаешь, на кого ты похожа? – продолжает дядя Слава. – На дешевую шлюху! Матери подражаешь? Я тебя вообще налысо побрею!

– Тогда она себе татуировку сделает. Прямо на черепе, – смеется Леша, а тетя Рита тихо хмыкает.

Нет. Нет, нет, нет... Неужели и правда ничего не изменится? Никогда? Сколько бы я ни старалась? Колени подкашиваются от тяжести реальности. Я сдаюсь. Сдаюсь! Они не полюбят меня. Не примут. Они на это не способны. Я думала, надеялась, что если буду вести себя так, как говорят, то они смогут... смогут меня... В носу щиплет. Качаю головой, шагая спиной к двери. Я всего лишь хотела иметь семью. Как у всех. Разве это так много? Я не сделала им ничего плохого. Так почему?..

– Куда собралась? – спрашивает дядя, выгибая темную бровь. – А ну марш в свою комнату!

Тянусь за рюкзаком, не сводя глаз с дяди Славы.

– Ты что? Не поняла? Я сказал...

Но мне плевать на его приказы. Выбегаю из дома, даже не закрыв за собой дверь. Несусь, кажется, быстрее, чем ветер, поймав его направление. Слезы застилают взгляд, сердце нестерпимо стонет. Мир рушится, и надежда на его восстановление все-таки умирает. Не знаю, что на меня находит и что влияет так сокрушительно. То, что произошло сейчас, не было чем-то новым, но... кого я обманываю? Я прекрасно понимаю, в чем кроется причина.

«Чего ты пытаешься добиться? Ждешь медаль, как самый порядочный человек на этой планете? Почему ставишь других выше себя?»

«Ничего не изменится, пока ты не поменяешь себя. У кого-то уже нет такой возможности, а у тебя есть, но... ты просираешь свою жизнь, вместо того, чтобы жить».

Король «Волков» прав, я ждала эту медаль. Старалась ее заработать и верила, что однажды они все поймут. Что я хорошая, и им есть за что меня любить. И я пыталась любить их вопреки всему. Считала семьей. Какая же я глупая и слабая. Ущербная. Мнац, черт возьми, во всем прав! Я не умею по-другому, но и так, как есть, больше не могу. Остается только два варианта: смириться и сгнить заживо или бороться и вырваться из этих сетей, которыми я сама себя окутала за столько лет.

Чувство, которое я так долго в себе подавляла, расправляет крылья и возносит к небесам. Ненависть. Я терпела издевательства слишком долго. Слишком...

Добираюсь до заброшки и практически не чувствую ног. Солнце стремительно клонится к горизонту, окрашивая небо малиновым и желто-оранжевым свечением. Старый сетчатый забор мерцает бликами заката, а за ним слышна громкая музыка и гул голосов. Я обещала никогда сюда не возвращаться, но мне попросту некуда больше идти. Может быть, мое место действительно здесь, и я одна из них? Или могу ею стать?

Ступаю на тропинку из примятой жухлой травы и шагаю по территории, но чем ближе подхожу к игорному клубу, тем меньше уверенности остается. Что я творю? Это на меня совсем не похоже. Резко сворачиваю влево, подгоняемая внезапной паникой. Я ведь и здесь никому не нужна. Истерика протягивает ко мне тонкие когтистые пальцы и раскрывает пасть, желая поглотить. Ускоряю шаг, глядя под ноги. Нужно найти тихое место, чтобы перевести дух и успокоиться.

Перехожу на бег, залетая за угол ангара, и вдруг врезаюсь в преграду, вскрикивая от боли в носу. Рюкзак слетает с плеча, и я, зажмурившись, теряю равновесие. Жесткое падение выбивает воздух из легких, новый вдох забивает нос резким пряным ароматом духов.

– Прости, – шепчу я сквозь сбившееся дыхание и пытаюсь подняться с человека, в которого врезалась, упираясь ладонями в колючую землю.

– Да ты сногшибательна, Алена. Кто бы мог подумать?

Разгибаю локти, страдальчески выругавшись вслух, но ловкие руки Мнаца прижимают меня обратно к крепкому торсу. Он ослепительно улыбается, будто лежит сейчас на песчаном пляже Тихого океана, а его голубые глаза неистово смеются.

– Вообще мне нравится, когда девушка знает, чего хочет. Это так... будоражит. Раз, и завалила. Мощь!

Пара слезинок срывается с моих ресниц и падает на лицо Мнаца. Он в миг теряет веселье, выпуская все то же недовольное презрение. Плевать! Я больше не боюсь, и на этот раз точно знаю, что хочу ему сказать.

– Я согласна!

– Что? – недоверчиво хмурится Мнац.

Собираю волю в кулак и произношу настолько жестко и непоколебимо, насколько это возможно:

– Ты ведь не глухой. Не придуривайся, тебе не идет. Я согласна на твою помощь. Вот так это делается. Ты даешь человеку принять решение, а не принимаешь его вместо него. И теперь это *мое* решение.

– А кто тебе сказал, что предложение еще в силе?

Да ладно?! Какой же козел!

– Я не стану тебя упрашивать, – рычу я, брыкаясь. – Отпусти!

– Ты недослушала, Алена. Я ведь не сказал «нет». Но раз уже теперь это не мое предложение, а твоя просьба, то бесплатной она не будет.

– У меня нет денег.

– А речь и не о деньгах.

Глава 6

POV: Мнац

Процент на успех был слишком мал, но все сработало именно так, как нужно. Вот она, забитая птичка, в моих руках, и она просит о помощи. Сама! Последнюю неделю я утешался мыслями, что рано или поздно Алена все поймет, и тогда запасной план сработает даже лучше, чем основной. Так и случилось.

Чтобы подтолкнуть человека к принятию решения, иногда достаточно маленького зернышка. Его нужно посадить и терпеливо ждать, пока прорастет. Лучше всего на эту роль подходит надежда на перемены, правда, выходить за рамки привычной жизни всегда боязно, даже если внутри этих рамок ты умираешь каждый чертов день. Новое и необычное кажется еще большей опасностью, но стоит хотя бы раз доходчиво объяснить, что выход есть, как эта мысль сделает всю работу сама. Этот способ дольше и не такой ровный, как шантаж, но тоже неплохо.

По всей видимости, Алена вновь столкнулась со своими демонами, но терпеть не стала. Подсознание шепнуло: «Ты знаешь, что нужно делать. Знаешь, к кому обратиться». И вот она здесь. Удобненько разлеглась на мне, но дальше так удобно и просто уже не будет. Дальше будет много работы, а затем результат.

Именно поэтому я с самого начала попер на нее с такой наглостью и не стал ничего скрывать. Если бы выбрал привычный план, то все растянулось бы на месяцы притирки и лживых чувств. Алена видела бы во мне поддержку и спасение, а я получил бы вторую Крис. В обеих девушках есть кое-что схожее – потребность в любви. Она, конечно, у всех есть в той или иной мере, но эти двое ставят «ощущение нужности» на первое место. Больше этой ошибки я не совершу. Алена должна найти силу в себе, а не во мне.

– И чего же ты хочешь, если не денег? – спрашивает Алена, предпринимая еще одну слабую попытку подняться.

Обнимаю ее крепче, провожу рукой вверх по спине и надавливаю на затылок, сокращая расстояние между нашими лицами. Я практически не чувствую вес ее тела, словно держу в руках ослабевший дух. Что же мне у нее попросить? Что она может мне предложить? Рассматриваю прозрачные потухшие глаза, подрагивающие мышцы на лице, и вдруг идея проносится электрическим разрядом по венам. А что, если закрыть сразу две проблемы – Алена и Крис? Это может сработать. Черт возьми, да! Разыграть эту партию на троих. Освободить одну и закалить другую.

Алена сопротивляется нашему сближению, но силенок маловато. Это только пока, но грех не воспользоваться положением. Задеваю кончиком носа ее нос, глотаю испуганный выдох.

– Пришлю тебе счет на оплату позже.

– Спать я с тобой не стану! – напряженно заявляет Алена.

– Как обидно, – произношу я с театральным разочарованием. – А ведь я уже приготовил плетки и анальные пробки. Тогда сделки не будет.

– Что-о-о? Какие пробки?! Ты совсем?!.

Алена бьется в моих руках, как птичка, пойманная маленьким хулиганом за крыло.

– Тише ты, – смеюсь я, сдерживая ее порыв. – Успокойся! Я же пошутил, никаких БДСМ-штучек. Но ты все равно не зарекайся. Знаешь, сколько раз я слышал эту фразу, а потом выпроваживал девушку наутро из своей комнаты?

– Думаешь, что настолько хорош?

– Уверен в этом. Поэтому, если тебе захочется чего-то подобного... обращайся. Сделаю скидку на полный пакет услуг.

– Ты и этим занимаешься? Неужели настолько туго с деньгами?

– Почему ты так заиклена на деньгах и сексе? Не хватает – и того, и другого?

– Я не заиклена! Это все ты...

– Я только продолжил эту тему, но не начал ее. Это о многом говорит, Алена. Я вижу все твои скрытые фантазии, но не стоит их стесняться. В этом на самом деле нет ничего необычного.

Взгляд Алены мечется по сторонам, на щеках появляется легкий румянец, подсвеченный лучами заходящего солнца. Я смутил ее? Святая невинность!

– Может, мы уже поднимемся? – спрашивает Алена.

Ее тон больше похож на мольбу, а не на просьбу. Нет. Не поднимемся.

– Зачем? – усмехаюсь я, обнимая ее крепче. – По-моему, отлично лежим.

– Ты ненормальный.

– Знаю. И это не так плохо, как ты думаешь. Быть нормальным скучно. Ты со мной не согласна?

– Странные у тебя способы веселья.

– Зато они работают. Когда ты веселилась в последний раз? Делала что-то просто так, не волнуясь о последствиях?

Алена затихает, взгляд устремляется в пустоту. Пытается вспомнить? Тут и без слов все понятно.

– Что такого случилось сегодня, что ты передумала?

– Мне обязательно отвечать? – тихо произносит она.

– Мы ведь команда.

– Глаза открылись. Этого достаточно?

– Мне нет. Ты ездила домой?

– Да.

– Видела брата?

– Да.

– Он во всем винит тебя?

На лице Алены появляется боль, смешанная с отчаянием. Ну еще бы. Лешу так же легко разгадать, как и Алену. Залюбленный родителями мальчик, который не привык отвечать за свои слова и поступки. Я скажу больше: он на самом деле считает виноватой Алену, слишком себя любит, чтобы думать иначе. И может показаться, что это хорошо. Ставить себя выше других – это ведь моя идеология, но все куда многогранней. Здоровое отношение к себе порождает здоровое отношение к другим. Ты не станешь выше, наступив кому-то на голову. Чисто морально это не работает, хоть и есть моменты, когда подобное необходимо. То есть под здоровым отношением я подразумеваю следующее: если тебя бьют – бей в ответ сильнее, а если к тебе относятся хорошо – верни обратно еще больше. Баланс – вот где кроется разгадка. Выбор приоритетов, умение заглянуть в будущее, проанализировать результат. Эффект зеркала тоже работает отлично, но в нашем мире слишком много кривых зеркал. Я все еще сам учусь, но это не мешает мне учить и других.

– Алена... – зову ее, чтобы возобновить контакт глаза в глаза. – Это не твои проблемы. Это с ними что-то не в порядке, а не с тобой.

– Ты же сам считаешь меня ущербной. Ненавидишь...

– Скорее я ненавижу то, что ты олицетворяешь, а не тебя саму.

– И в чем соль? Каков твой мотив? Ты не знаешь меня, и...

– Стоп-стоп, – перебиваю ее, улыбаясь. – Я копаюсь в твоей голове, а не ты в моей.

Алена заметно расслабляется, ее мимика сглаживается, а дымка страха и паники рассеивается. И вот мы уже почти друзья, всего лишь нужно было полежать в обнимку несколько минут.

- Ты сказал, мы команда, – надежда в ее голосе приятно поглаживает самолюбие.
- Ага, – отвечаю весело. – Я тренер, а ты спортсмен. Будем качать мышцы жажды жизни.
- То есть не объяснишь?
- Это не имеет значения.
- Трудно доверять человеку, который скрывает причины своего интереса.
- Я открытая книга, Алена.
- Это не так, Мнац. – И снова мое прозвище звучит как выстрел. – Содержание не соответствует обложке, за которую тебя все так любят.

Ух! На этот раз диалог такой горячий. *Что еще ты скрываешь, Алена? Что у тебя внутри?* Мне нравится, как она держится, без всего этого скромного дерьма, которое обычно пытается намазать на себя вместо тоналки.

- Мое содержание не для слабонервных.
- Я нормально отношусь к хоррору. Поверь, насмотрелась уже. Вряд ли ты напугаешь меня еще больше.

– Думаешь, я маньяк?

Алена коротко кивает и приподнимает бровь:

- Возможно, будущий. С такими-то замашками.

Не могу сдержать восхищения. Напрягаю пальцы на ее шее, короткие волосы щекочут кожу, а вечерняя прохлада не может пробиться сквозь плотную энергию нашего сближения. Алена едва заметно приподнимает уголки губ, а ее глаза... Дерзкий и свободолюбивый взгляд бьет точно в лоб. Это все там, в этой хрупкой маленькой девчонке. Она может быть сильной, сексуальной. Может быть какой угодно. Но черт! Зачем она все это скрывает? Зачем?!

– А ты знаешь, чего больше всего хотят маньяки? – гипнотизирую ее взглядом, понижая голос.

- Крови?
- Нет, Алена. Удовольствия.
- И в чем твое удовольствие?
- Угадай.

– На меня это не действует, – произносит она серьезно, но я чувствую ее учащенный пульс.

Перевожу взгляд на ее губы и глубоко вдыхаю. Что-то мы и правда залежались. Убираю руки со спины и шеи Алены и развожу их в стороны:

- Я не так уж и старался.

Алена пользуется моментом и торопливо вскакивает на ноги. Я же медленно поднимаюсь и поворачиваюсь к ней спиной:

- Отряхнешь? В конце концов, это ты меня завалила.

Алена подходит ближе и аккуратно легкими движениями хлопает по моей мастерке, очищая ее от травы и пыли, но не опускается ниже поясницы. Соблюдает границы приличия? Как скучно! Но это не отменяет того факта, что теория работает. Моя персона больше не вызывает в Алене ненужных гормонов. Она не чувствует угрозы, и, пока в этом нет особой необходимости, оставим все как есть.

- А с тобой такое нечасто случается, да? – спрашивает Алена почти весело.

- Вообще-то ты первая, кому это удалось, – отвечаю я и разворачиваюсь.

Алена вытирает ладони о джинсы и приподнимает подбородок:

- А ведь я тоже еще не старалась.

Ну наконец-то! Теперь передо мной уже что-то напоминающее человека, а не его тень.

Слышу за воротами звук мотора и замечаю какое-то движение. Кажется, у нас еще гости. Темный худощавый силуэт шагает по территории и через пару секунд попадает в луч света самодельного фонаря. Да мне сегодня везет! Перевожу взгляд на умиротворенное лицо Алены. Даже жаль стирать это выражение, оно ей очень идет, но у нас нет времени. Чем быстрее начнем, тем быстрее закончим.

Два пальца отправляются в рот, по заброшке разносится громкий свист. Леха обращает на нас внимание и ускоряет шаг, размахивая руками. Алена оглядывается, ее грудь поднимается на рваном вдохе, а ноги делают пару шагов в сторону.

– Не, не, не... – хватаю ее за плечи, предотвращая бегство. – Первый урок, Алена, – ты больше ничего не боишься.

– Я не хочу драки, – глухо отвечает она.

– Ты еще к ней и не готова.

Алена резко поворачивает голову:

– Что?!

– Послушай, я обещал помочь, но это не значит, что у тебя теперь есть охранник. Я наставник, боец у нас ты. И это твое первое сражение.

– Но... – Ее дыхание тяжелеет, голос становится все тише. – То есть ты бросишь меня? Вот так?!

– А ты думала, что я ворвусь и раскидаю всех обидчиков, как Джейсон Стейтем?

Алена опускает голову, ответа все нет. Основная ошибка слабаков – ожидание, что всю грязную работу сделает кто-то другой. Но это не решит главную проблему. Не избавит их от слабости.

– Алена, ты отлично справилась со мной, защищая подругу. Представь, что и сейчас ты защищаешь самого близкого человека.

– И это вся твоя помощь?

– Этого достаточно. Назад не оглядывайся, поняла? – шепчу ей на ухо и отступаю.

– Мне не нужны проблемы, Мнац, – громко говорит Леха, останавливаясь в паре метров от нас. – Я пришел поговорить с сестрой.

– Валяй, – безразлично пожимаю плечами.

Леха напрягает челюсть, смыкая губы, и делает еще несколько шагов вперед, предусмотрительно глядя на меня. Пластырь на его носу вызывает короткую вспышку жжения на костяшках пальцев. Позволяю ему подойти еще немного ближе и качаю головой, когда между ним и Аленой остается не больше полуметра. Хочет забрать сестру, пусть делает это ртом, а не руками.

– Ты нас не оставишь? Семейные дела, – говорит Леха.

– Забыл у тебя спросить, где мне можно находиться, а где нельзя.

– Я не это имел в виду...

– Мне до звезды ваши семейные дела. Разбирайтесь сами! – бросаю я, демонстративно разворачиваясь, и шагаю к ангару, глядя назад через плечо.

Алена напрягает плечи и шею, дергая головой, чтобы оглянуться, но вовремя останавливается. Послушная девочка. Молодец. А теперь посмотрим, как она справится.

POV: Алена

Помощь от Мнаца, конечно, колоссальная. Поверить в себя?! Серьезно?! Собираюсь было оглянуться, но понимаю, что времени на размышления и злость нет. Братец сверлит меня взглядом, скривив губы в злобной усмешке. Его русые волосы уложены назад, кожаная куртка распахнута. Уверена, он рассчитывает по-быстрому загнать меня в будку, а потом поедет развлекаться.

– Жаловаться прибежала? – выплевывает Леша. – Какая же ты дрянь.

Оскорбления вызывают вспышку тупой боли, но я держу голову прямо. *Не в этот раз, Леша. Закончилось время, когда я считала тебя родным человеком и переживала за то, что ты будешь обо мне думать.*

– Что тебе нужно? – спрашиваю я спокойно.

– Ты тупая? Домой поехали! Батя в ярости!

В мыслях мелькают картинки возможной обстановки дома, и я делаю крошечный шаг назад. Если я туда вернусь... если они снова меня запрут... Так! Стоп! Я не собираюсь возвращаться. Ни за что. Там нет для меня места. Я точно знаю, что не нужна им, и теперь... они мне тоже не нужны.

Задаю себе один-единственный вопрос, который должен помочь справиться с ситуацией. Сама я все еще не могу найти в себе столько силы, но знаю, в ком ее предостаточно. Пусть поделится, ему ведь не жалко. *Что бы сказал и сделал Мнац, оказавшись на моем месте?*

– И почему мне должно быть не плевать? – произношу я и складываю руки на груди, перенимая манеру своего шизанутого наставника.

Леша наступает, и я машинально отхожу назад. Оба останавливаемся, сохранив дистанцию. Небо с каждой секундой становится все темнее, нагнетая обстановку. Брат прищуривается и злобно усмехается:

– Ты че? В себя поверила? Думаешь, что этот мажорчик тебя защитит? Кому плевать, так это ему. Не обольщайся на его счет.

А я и не обольщаюсь. Не знаю, что за методы у Мнаца и что он подразумевает под помощью, но только что он меня просто кинул. Придется выкручиваться самой, и я собираюсь сделать это. С ним или без него.

– Он здесь ни при чем. Хотя ты так сильно его боишься, что готов прыгать на задних лапках и спрашивать, как высоко. Жалкое зрелище, Леш, но, признаюсь, отчасти забавное.

– Ну ты и сука... – Брат качает головой, глядя на меня с отвращением. – Отец сто раз прав насчет тебя. И ты, по ходу, забыла, с кем говоришь.

– Не забыла, – произношу я не моргая. – Я говорю с трусом и подонком, который прикрывается мной перед родителями. Который чуть не продал меня за карточный долг. Который на мужика похож только из-за штуки, что висит у него между ног!

Леша срывается с места и замахивается, отводя руку назад. Голову дергает влево, оглушающий хлопок разносится на всю территорию заброшки. Зажмуриваюсь от боли, но, преодолевая себя, возвращаю взгляд к глазам брата.

– Ударь меня еще раз и узнаешь, что не только Мнац может отправить тебя в больницу.

– Да ты что? – смеется Леша, широко раскрыв рот. – В больничке скоро окажешься ты, когда отец с тобой закончит, а я посмотрю и послушаю. Вот это будет веселье. Скажем потом, что на тебя напали те же хулиганы, что и на меня.

Страх душит, а щека печет так, словно к ней приклеили горчичный пластырь. Все, что говорит Леша, – правда. Все будет именно так. Что я могу сделать против него? Против дяди Славы? Никто мне не поможет. Леша заберет меня домой, а там... сколько бы я ни брыкалась, ничего не изменится. Если сопротивляться, станет еще хуже. Бессилие приходит внезапно и обрушивается на голову вместе с вечерней темнотой. Ноги уже едва держат.

Я не могу.

Снова больно.

Тошно от непонимания.

Почему? Почему все это происходит?

– Леш, вот за что ты так со мной? – бормочу я, и горячие слезы катятся по ледяным щекам. – Я не понимаю... за что? Я всегда тебе помогала. Всегда была на твоей стороне. Почему ты ни разу мне не помог? Не защитил? Зачем делаешь все это сейчас?

– Только не надо ныть, ладно? Ненавижу, когда ты реवेशь, – с омерзительным пренебрежением произносит брат и грубо хватает меня за руку выше запястья. – Идем домой!

– Нет! – повышаю я голос, вонзаясь ногтями свободной руки в его ладонь. – Нет! Я никуда с тобой не пойду! Я обращаюсь в полицию! Напишу заявление!

– Ага, – хмыкает он. – Попытайся.

Упираюсь ногами в землю, не позволяя себя увести. Выдергиваю руку, но рывок выходит настолько сильным, что я падаю на землю. Леша злобно рычит и резко оборачивается:

– Что за цирк ты устраиваешь?! А ну вставай, и вперед! Жаль, волос у тебя больше нет, так было бы удобнее.

Он протягивает руку, наклоняясь, а я откидываюсь на спину и выбрасываю вперед ногу. Подошва моей кроссовки упирается брату в живот, это даже ударом назвать нельзя, но на лице Леша появляется такое свирепое выражение, которое я даже в страшных снах не видела.

– Что ты сейчас сделала? – шипит он.

Паника набрасывает цепи. Тело замирает. Леша отводит назад правую ногу, а в мыслях только одно – *сгруппируйся!*

– Стоять! – гремит разъяренный голос. – Ты серьезно, малой?

Леша бежит глазами вверх-вниз. Ему хочется вцепиться мне в глотку, но тот, кто стоит позади, слишком пугает.

– Мнац, это не твое дело. Она *моя* сестра, и я могу...

– Твоя сестра? Твоя?! – с нажимом произносит Мнац. – Мне напомнить, что ты поставил на кон в нашей прошлой игре? Она уже не твоя. Бабки я с тебя тогда не взял. Может, ты хочешь рассчитаться прямо сейчас? Гони мой выигрыш, и можешь ее забрать! А то я что-то не понял расклада. Думаешь, меня можно кинуть?

– Нет. Я... я просто...

– Что ты просто? Просто можешь бить девчонок? Вот это достижение! Хочешь, я тебе даже поаплодирую? Как насчет рука-лицо?

– Мнац, ты не понимаешь... Она должна...

– Ты мне должен, поэтому *она* сейчас здесь. Такой был уговор. Еще раз спрашиваю, ты можешь рассчитаться по-другому?

– Нет, – мрачно отвечает Леша. – Не могу.

– На руках ходить умеешь?

– Ч-что?

– Ноги тебе переломаю, если еще раз здесь увижу. Заживать будут долго.

Леша опускает голову, глядя на меня, в его глазах едва заметен блеск торжества, а уголки губ ползут вверх. Это еще что? Чему он радуется?

– Да забирай ее! На фиг она никому не нужна! – выпаливает Леша, круто разворачиваясь.

Как только брат отходит на пару шагов, поднимаюсь на ноги и почти бегом направляюсь в противоположную сторону. Подхватываю по пути рюкзак и закидываю его на плечо. Щека саднит, слезы такие горячие, будто внутри меня проснулся вулкан. Ничего не понимаю. Ничего! Только одно ясно, как день... Моя жизнь – полное дерьмо!

– Алена! – окликает меня Мнац. – Куда ты рванула? Там нет выхода.

Его забавляющий тон выводит из себя. Получается, он наблюдал? Стоял и смотрел?! Это и есть его чудо-помощь? Класс! Мне очень полегчало!

– Да погоди ты! – кричит он, догоняя, и хватается за плечо.

Пихаю его в грудь что есть силы и сжимаю зубы, неистово желая дать по наглой роже.

– Эй! – усмехается Мнац, поднимая руки. – Ты с ума сошла? Меня-то за что? Три минуты назад надо было дикую кошку включать. Что у тебя с реакцией?

– А что у тебя с головой?! Я... Ты... – Яростная дрожь отчаяния колотит изнутри. – Пошел ты! Пошел ты к черту! Я думала, ты реально можешь помочь!

– И я могу.

– Спасибо! Уже увидела как! Хороший был концерт?! Понравилось?!

– Тормози! – рычит Мнац, подступая ближе. – Снова ты прячешь голову в песок. Ты ведь знаешь, что могла победить. Знаешь его больное место...

– Что я должна была сделать, а?! Что?! Каким чудом я должна была дать отпор?!

– Например, повторно сломать ему нос, – как ни в чем не бывало отвечает Мнац. – И пока он валялся бы у тебя в ногах и скулил, сказать все, что ты о нем думаешь. Инстинкты тебе ничего не подсказали? Ах да, ты расплакалась. Очень умно.

– Вау! Браво, великий гений! А ничего, что потом мне пришлось бы отвечать за это? Тебе легко говорить, ты парень. Еще и больной на всю башку! А мне что делать?! Член себе отратить?!

– Таких жертв не нужно, но хорошо бы научиться защищать себя. Искать обходные пути, использовать приемы психологического давления. Шантаж. Угрозы. Хитрость. Член для этого не нужен. Знаешь, почему я не остался? Почему не расфигачил ему рожу еще раз?

– Ну давай! – выпаливаю я, всплескивая руками. – Просвети меня, гений!

– Да потому что это не сработает! – строго говорит Мнац. – Ни для тебя, ни для него. Твой брат и так меня боится, а должен бояться *тебя*. Повторяю еще раз, я не охранник и не твой парень. И я не всегда буду рядом. Ты одна, Алена, но это не равно – беспомощность. Вступишь я за тебя, дал бы этому дебилу козырь. Он бы сразу устроил на тебя охоту. Сейчас же Леха думает, что ты рядом со мной из-за него, в уплату долга, а не потому, что я на твоей стороне. Он считает, что тебе и так не повезло. И это уже дает козырь нам.

– А мне, значит, повезло? Что-то не похоже.

Мнац шумно вздыхает и проводит ладонью по волосам, приподнимая темную короткую челку. В вечернем полумраке на фоне обветшалых построек он выглядит точно как отвязный хулиган в спортивном костюме, но, по всей видимости, он – мой единственный шанс. Я ведь все еще здесь, а не в багажнике такси, которое привезло бы меня в личный филиал ада, только благодаря ему.

– Твой брат – слабак и трус, – говорит Мнац без капли веселья. – Сможешь его хорошенько напугать, он будет и перед тобой на цыпочках ходить. Алена, родственники вытирали об тебя ноги не потому, что они сильнее, а потому, что ты им это позволяла. В последний раз спрашиваю. Хочешь это изменить?

Прохладный ветер касается горящего лица. Прикрываю глаза, втягивая носом свежий воздух. Не хочу это признавать, но... Мнац снова прав. Хотелось бы, конечно, более легкий путь. То, о чем он и говорил. Чтобы кто-то встал за меня горой, но это должна быть я. Я и есть гора.

– Да... – выдыхаю я.

– Не слышу.

– Да! Я хочу!

Глава 7

POV: Алена

Мнац не спеша подходит ближе, опускает руку мне на плечо, а пальцами второй руки бережно дотрагивается до щеки. Отвожу взгляд и задерживаю дыхание. И что это за жест доброй воли? Жалеет меня? Бедную сиротку, которая все время получает от всех ни за что? Жалость похожа на кислое яблоко, что нещадно сводит зубы.

– Все нормально, – говорю я, убирая его ладонь от лица.

– Нет, Алена, не нормально. Привычно для тебя, да, но не нормально. Поехали, прока- тимся, – подмигивает он и отступает.

Стою на месте, потому что не успеваю за сменой его настроения.

– Куда мы поедем?

– Без разницы. Туда, где спокойнее. Практики на сегодня достаточно, окунемся в теорию.

Мнац беззаботно шагает к краю ангара, словно прогуливается в парке, предвкушая лучший день в своей жизни. И как у него это получается? Вздыхаю, выругавшись про себя, и следующую за ним в противоположную от ворот сторону. А что еще остается? Я уже на это подписалась.

– Теорию чего? Ближнего боя? – спрашиваю я, пытаюсь успеть за его широкими шагами.

– И к этому доберемся, но сначала нужно поработать над твоими установками.

– Ты можешь говорить на человеческом языке?

– Ты хотела сказать, на языке тупиц?

– Будешь и дальше меня гнобить, ничего не выйдет.

– Так не позволяй мне. Никому не позволяй, – отвечает он, блеснув белозубой улыбкой.

Замолкаю, обдумывая его слова. Похоже, общение с ним – уже тренировка. И где мне взять столько сил? Выходные будут?

Несколько минут идем в тишине, только сухая трава хрустит под ногами. Мнац ведет меня сквозь полумрак к еще одним воротам, за которыми припаркован черный автомобиль. Все это, конечно, здорово, но... Я ведь знаю, как именно «Волки» проводят время на заброшке.

– Ты сегодня пил? – спрашиваю я под короткий писк сигнализации.

– А что? – усмехается Мнац, открывая дверь джипа с водительской стороны.

– Если пил, то я не сяду с тобой в одну машину.

– Ты умеешь водить?

– Нет.

– Тогда других вариантов нет. Я поведу.

– Неправильно. Тогда мы просто никуда не едем, – говорю я и складываю руки на груди, стараясь показать серьезность своих слов и немного унять нервную дрожь.

– Алена, как раз об этом мы и должны поговорить. Вот откуда ты знаешь это правило?

– Его все знают.

– Да, но откуда?

Недоуменно качаю головой. Как это относится к моей ситуации? Мнац смотрит с явным ожиданием ответа, барабанил пальцами по автомобильной двери.

– Водить в нетрезвом виде запрещено законом, – произношу я, казалось бы, очевидную истину.

– А почему придумали этот закон?

– Потому что... потому что под воздействием алкоголя снижается скорость реакций и затуманивается разум. Водитель в таком состоянии может стать причиной ДТП и даже смерти для себя, пассажиров и других водителей.

– Ну надо же... – ухмыляется Мнац. – Отвечаешь, как на экзамене.

Морщу лоб и поджимаю губы. Он ведь сам спросил, а теперь смеется надо мной?!

– Расслабь брови. Вижу, что бесишься. – Мнац кладет локоть поверх открытой двери и продолжает с видом мирового знатока: – Все верно, Алена. И это не просто чье-то предположение, есть статистика. По факту это негативный опыт, верно? На его основе появился закон, чтобы в дальнейшем этот опыт не повторялся.

– Я не понимаю, к чему ты клонишь. При чем здесь я и вообще все?

– Я к тому, что все наши принципы, правила и даже действия предопределены не судьбой, как всем нравится думать, а опытом. И не обязательно своим собственным. Так понятнее?

– Не совсем.

– Садись, – он кивает в сторону пассажирского сиденья. – Сегодня я не пил ничего, кроме воды.

– И я должна поверить тебе на слово?

– У тебя есть с собой алкотестер?

Мнац дразняще улыбается, а я прикусываю щеку изнутри. Черт! Как ему удастся все время меня переигрывать?

– Иди сюда, – манит он пальцем.

Впиваюсь ногтями в кожу на предплечьях и вытягиваюсь:

– Зачем?

– Ты ведь хочешь проверить, пил я или нет?

– Я... – хлопаю ресницами, – я и так тебе верю.

– Нет уж, теперь я и сам хочу доказать. Не люблю, когда меня считают пустословом.

– Не надо, я передумала. Когда я тебя сбила, то не почувствовала ничего...

– Брось, Алена. Что, по-твоему, я тебе предлагаю? Просто дыхну контрольный раз, и все. Ты успокоишься, и мы поедем.

Всматриваюсь в хитрые светлые глаза, которые кажутся серыми в вечерней темноте. Это еще одна проверка? Точно! Придется подыграть, он ведь не отстанет. Делаю боязливый шаг, а потом еще парочку, уже посмелее. Останавливаюсь перед Мнацем, но не могу поднять голову, уставившись на его шею.

– Ты вообще знаешь, как пахнет алкоголь?

– Мерзко, – отвечаю я, поморщившись.

Мнац медленно наклоняется, и я концентрируюсь на обонянии. Вдыхаю запах влажной земли, осенней прохлады и пыли, но в одно мгновение все меняется, когда теплое дыхание касается моей верхней губы и попадает в нос. Пахнет мятной жвачкой и сигаретным дымом. Раунд окончен. Собираюсь уже было отступить, но Мнац вдруг прижимается своими губами к моим. Теряюсь от наглости, не сразу сообразив, что именно происходит. Слишком быстро. Дело миллисекунды. В рот вторгается язык, мягко касается моего и играючи обводит верхнюю губу. Сердцебиение на разрыв, лицо пылает. Отскакиваю назад и таращусь под ноги:

– Ты что творишь?!

– Делаю твою проверку более чистой.

– У тебя же есть девушка!

– И что? Думаешь, она стала бы ревновать меня к зубной щетке или ложке? Это был всего лишь тест на алкоголь, и я все еще жду твой вердикт, алкотестер.

Судорожно пытаюсь собраться, но я слишком обескуражена. Двигаю языком во рту, ощущая тонкий привкус мятной жвачки и ничего больше. Зубная щетка, значит? У него совсем тормозов нет?

– А с инспекторами ты тоже целуешься? – цежу я злобно. – Хотела бы я посмотреть.

– Чего ты так завелась?.. А-а-а... О-о-о... – удивленно тянет Мнац. – Слушай, я, конечно, знал, что ты еще ни с кем не... но чтобы даже не целовалась...

Ничего не отвечаю и обхожу машину. Забираюсь на переднее сиденье и закрываю дверь так, как научил Женя, – приложив все оставшиеся силы. И плевать, что это какой-то навороченный джип, а не старая «девятка». Пусть это будет точкой в глупом разговоре о моей скудной личной жизни.

Мнац молча садится за руль. Водительская дверь закрывается с тихим хлопком, урчит мотор, и фары освещают проселочную дорогу. Автомобиль сдвигается с места и медленно выезжает от заброшки.

– Для начала спрошу одну вещь, – раздражающе спокойно говорит Мнац. – Насколько я понял, с родственниками ты поругалась, раз этот мелкий прыщ пришел за тобой?

– Да, – отвечаю сквозь ком в горле.

– И как думаешь, что будет дальше?

Его вопрос поднимает новую волну страха. Леша сейчас вернется домой без меня и...

– Они приедут забирать меня из колледжа, – произношу с ужасом.

Мнац молчит несколько долгих мгновений. Поворачиваюсь к нему и сама не понимаю, чего жду. Наши тренировки закончатся, не успев толком начаться. Уже завтра дядя Слава пригласит за мной в общагу, заберет документы, и... все. На этом все!

– Приедут, – кивает Мнац. – Но не заберут.

– Почему?

– Ну, во-первых, все выходные тебя там не будет, а во-вторых... – он поглядывает на меня, – колледж станет твоим политическим убежищем.

– Ты просто не знаешь моего дядю, – обреченно качаю я головой.

– А мне это и не нужно, – бодро отвечает Мнац и достает из кармана телефон.

Вина колет под ребрами, когда я вижу потертый мобильник, но Мнацу, похоже, плевать на это. Он набирает номер и подносит телефон к уху.

– Здравствуйте, Елизавета Игоревна! – радостно говорит Мнац, крепче сжимая руль свободной рукой. – Не слишком поздно звоню? Да я тут на районе скоро буду, вот и вспомнил, что давненько не пил ваш замечательный кофе. Конечно! С меня пирожные! Только я сегодня не один... – Мнац расслабленно смеется и задорно подмигивает мне. – Хорошо. Через полчаса буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.